РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 47. 20-го Ноября 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА. Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р., 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЕРШЪ и ПЫЖЪ.

Повѣсть, основанная на истинномъ происшествіи.

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

Изъ этихъ словъ панны Юзефы онъ увидѣлъ, что ей неизвѣстно о перехваченномъ у него векселѣ и о томъ, что подозрѣніе можетъ пасть на него.

— Ну, такъ вотъ!—продолжала Юзефа,—хозяинъ этого дома находится въ страшномъ горѣ; единственно, кто его можетъ утѣшить, это — я; онъ ко мнѣ привыкъ и обстоятельства могутъ повернуться такъ, что вы съ дочерью можете помѣшать мнѣ, именно, въ настоящую минуту. Не надо, чтобы вы, именно, теперь показывались тутъ, а потомъ я сама могу выписать къ себѣ дочь и устроить твою жизнь.

Она довольно прозрачно намекала на то, что можетъ выйти замужъ за Тропинина, но боялась сказать это прямо, потому что это была неправда, пришедшая ей сейчасъ въ голову, для того, чтобы какъ-нибудь обосновать необходимость немедленнаго отъѣзда изъ города Корецкаго и дочери.

Прежде всего ей необходимо было какъ можно скорѣе удалить ихъ изъ города, гдѣ, вѣроятно, были люди, помнившіе жену Тропинина и могшіе обратить вниманіе на сходство съ нею молодой актрисы.

— Понимаю! — сказалъ Корецкій, — ты хочешь, чтобы мы уѣхали!

— И какъ можно скорѣе!

Этого желалъ и самъ Корецкій, онъ для того и пришелъ къ паннѣ Юзефѣ.

— И я хочу того-же самаго!—обрадовался онъ,—я хочу отнять дочь отъ этого актера, но не имѣю на это средствъ!

— Средства я дамъ! — проговорила Юзефа. — Я дамъ средства,—повторила она, — съ тѣмъ, чтобы вы уѣхали... ну, хоть въ Одессу... и тамъ ждали отъ меня письма! Какъ скоро вы можете собраться?

ОПАСНАЯ ДРУЖБА. По фотогр. Гильденбрандъ гравир. для „Родины“ Б. Шуцъ.

— Хоть сейчасъ!

— Сейчасъ? съ вечернимъ поѣздомъ?

— О, да!

Панна Юзефа говорила очень торопливо, а Корецкій — еще торопливѣе ея. Обоимъ имъ, по совершенно разнымъ причинамъ, хотѣлось того-же самаго и потому они, сходясь въ главномъ, не обращали вниманія на логику, подробности и на строгую послѣдовательность своихъ словъ.

Они быстро уговорились и установили планъ немедленнаго дѣйствія.

Корецкій долженъ былъ отправиться въ гостиницу и, если найдетъ тамъ Маничку одну, вызвать и вывести ее къ панѣ Юзефѣ, которая въ закрытомъ нанятомъ экипажѣ должна была ждать ихъ на перекресткѣ съ деньгами. Она обѣщала Корецкому выдать на первое время немедленно тысячу рублей.

Сама она показаться въ гостиницѣ боялась, но ей достаточно было, чтобы Корецкій вывелъ Маничку къ ней, а тамъ она была увѣрена, что сумѣетъ разыграть подходящую сцену, одурманить дѣвочку нѣжностью, слезами, всѣмъ, чего потребуютъ обстоятельства, разсказать ей какую-нибудь нелѣпую, выдуманную исторію, отвезти ее на поѣздъ и отправить съ миромъ отъ омъ „хотя-бы въ Одессу“, какъ сказала она Корецкому.

Корецкій, приводя въ исполненіе этотъ планъ, и явился у двери маничкинаго номера, стучалъ и просилъ, чтобъ она отворила. Онъ былъ увѣренъ, что, какъ только скажетъ ей, что ея мать ждетъ ее тутъ, близко, на перекресткѣ, Маня послѣдуетъ за нимъ.

XXX.

Корецкій, на свое счастье, попалъ въ гостиницу въ вечерній часъ, когда корридоры пустуютъ, и поэтому свободно могъ стоять у двери и переговариваться съ Маничкой.

Впрочемъ, на всякій случай у него былъ готовъ отвѣтъ, что онъ присланъ изъ театра за артисткой Микулиной. Онъ такъ и швейцару сказалъ на лѣстницѣ и тотъ поэтому пропустилъ его, несмотря на его видъ оборванца. Изъ театра всякіе могли придти!

Расчетъ Корецкаго относительно Манички оказался безошибочнымъ. Какъ только она отворила ему дверь и онъ успѣлъ только сказать ей, что ея мать ждетъ ее тутъ, на перекресткѣ, она надѣла шляпу, схватила накидку и, не раздумывая и не разсуждая, сказала:

— Идемъ!

Козодавлевъ-Рощининъ былъ въ это время въ театрѣ. Онъ участвовалъ въ двухактной комедіи, шедшей для начала представленія, и, какъ только кончилась эта пьеса, поскорѣе поспѣшилъ переодѣться, чтобы, не теряя времени, отправиться домой въ гостиницу, гдѣ именно сегодня, послѣ прогулки на кладбище, можно было ожидать какого-нибудь непріятнаго посѣщенія.

Да и предчувствіе торопило его.

Но, къ несчастью, его задержали въ театрѣ. Когда онъ, переодѣтый, вышелъ изъ уборной, чтобы пройти черезъ сцену къ выходной двери, его, въ полутьмѣ и тѣснотѣ кулисъ, остановила одна изъ статистокъ, одѣтая въ пейзанскій костюмъ для слѣдующей пьесы.

При взглядѣ на нее Козодавлевъ-Рощининъ сразу увидѣлъ по ея рѣзко несимметричному лицу, слегка раскошеннымъ глазамъ и подергиванію рта, скривленному на одну сторону, что это была одна изъ тѣхъ бѣдныхъ, жалкихъ, загнанныхъ женщинъ, больныхъ истеріей, страдающихъ безволіемъ и развращенныхъ, которыя часто попадались въ той средѣ, гдѣ ему приходилось вращаться. Она была некрасива и худа, но ея некрасивость и худоба были именно такія, какія нравятся современнымъ мужчинамъ.

— Вы—какъ-будто тотъ, который хотѣли хлопотать за господина Ромуальдъ-Костровскаго?—заговорила она, обращаясь къ Рощинину и поводя въ сторону глазами, подернутыми поволокой и безсмысленно блѣдными.

— Да, я тотъ, который... моя милашка!—отвѣтилъ Рощининъ и хотѣлъ пройти, но она удержала его.

— Погодите! я знаю, за что была убита дочь фабриканта...

Рощининъ остановился.

— Я знаю, — продолжала статистка, — куда она ѣздила на велосипедѣ.

— Куда-же?

— Къ Минѣ Францовнѣ. Она была вѣдьма и ее за это убили. Она, какъ вѣдьма, ѣздила на шабашъ.

— Какая вѣдьма?.. Какая Мина Францовна?.. Ты что-то врешь, розанчикъ мой!

— Я не вру! я все видѣла.

И въ не совсѣмъ связномъ разсказѣ, переполненномъ вычурными и не подходящими къ дѣлу оборотами, статистка сообщила Рощинину весьма важную для тропининскаго дѣла подробность.

Изъ этого разсказа онъ могъ понять и уяснить себѣ слѣдующее.

Статистка жила въ горничныхъ у Мины Францовны, въ тѣхъ особенныхъ горничныхъ, какія бываютъ у этого сорта женщинъ.

Мина Францовна занимала хорошенькій домикъ на берегу рѣки, по шоссе, въ довольно пустынной дачной мѣстности, извѣстной въ городѣ подъ названіемъ „Нагорнаго“. Въ этомъ домикѣ у нея по вечерамъ происходили оргіи, куда съѣзжались женщины и куда на своемъ велосипедѣ пріѣзжала убитая дѣвушка. Мина Францовна познакомилась съ ней въ купальнѣ и завлекла ее къ себѣ.

Для Рощинина вовсе не была удивительна такая податливость къ порочности этой дѣвушки, потому что онъ зналъ, отъ какихъ родителей она происходила на самомъ дѣлѣ, и ему казалось вполнѣ правдоподобнымъ, что ея наслѣдственность толкала ее на дурное. На оргіи изъ мужчинъ участвовалъ только одинъ, котораго статистка называла „баронъмъ“. Онъ былъ, повидимому, богатый человѣкъ, доставлявшій средства Минѣ Францовнѣ.

Онъ тоже пріѣзжалъ по вечерамъ на велосипедѣ, но днемъ иногда подкатывалъ на городскомъ извозчикѣ. Деньги, однако, у него были не всегда и, когда ихъ не было, между нимъ и Миной Францовной происходили ссоры, но затѣмъ онъ почти всегда являлся съ туго набитымъ бумажникомъ.

Жилъ онъ, кажется, въ гостиницѣ и былъ пріѣзжій; больше о немъ ничего не знала статистка.

Ушла она отъ Мины Францовны потому, что та ее сильно избила.

Дочь Тропинина въ тотъ вечеръ, когда была убита, была у Мины и статистка выпустила ее въ одиннадцатомъ часу, видѣла, какъ она сѣла на велосипедъ и уѣхала.

Оргіи продолжались обыкновенно гораздо дольше, но „дочь фабриканта“, какъ ее звала статистка, уѣзжала всегда раньше. Ей не позволяли засиживаться, очевидно, изъ боязни, что ея хватятся дома.

Въ этотъ послѣдній вечеръ она особенно не хотѣла уѣзжать и Мина Францовна почти насильно вытолкала ее.

— А не знаете-ли вы, какъ скоро уѣхалъ послѣ нея этотъ баронъ? — спросилъ Рощининъ. — Вы не помните этого?

— Нѣтъ, помню! — подхватила статистка, — онъ, по-моему, былъ дьяволъ, ему и служили всѣ у Минны Францовны, какъ дьяволу; онъ принесъ себѣ въ жертву дочь фабриканта; онъ за ней уѣхалъ слѣдомъ, а затѣмъ она оказалась убитою. Это онъ убилъ ее, а Ромуальдъ-Костровскій не виноватъ!

— Вы сами провожали барона вслѣдъ за дочерью фабриканта?

— Нѣтъ! Онъ отправился черезъ садъ потихоньку, но только я видѣла.

Все это было очень важно для Рощинина.

Выходило, какъ-будто объявлялся еще новый, третій убійца, и дѣло, на первый взглядъ, запутывалось еще больше. Но это было только на первый взглядъ; для Рощинина-же, напротивъ, разсказъ статистки выяснялъ многое и онъ имѣлъ возможность воспользоваться имъ.

Онъ подробно разспросилъ, гдѣ находился домъ Минны Францовны. Статистка объяснила ему, и, нахлобучивъ шапку, онъ отправился домой.

XXXI.

Маничка, въ сопровожденіи Корецкаго, вышла изъ гостиницы. Онъ слѣдовалъ за ней, затѣмъ перегналъ ее, чтобы показать дорогу.

Она забыла о томъ, что прохожимъ можетъ показаться страннымъ, что сравнительно нарядная и хорошо одѣтая дѣвушка идетъ вмѣстѣ съ оборванцемъ, но Корецкій, видимо, подумалъ объ этомъ и опередилъ Маню такъ, будто шелъ самъ по себѣ.

На перекресткѣ онъ остановился и въ недоумѣніи оглядѣлся: извозчика, въ которомъ должна была ждать его панна Юзефа, не было.

Прежде чѣмъ войти въ гостиницу, Корецкій ждалъ на этомъ перекресткѣ, когда подъѣдетъ панна Юзефа; такъ они условились. И онъ видѣлъ, какъ она подъѣхала, остановила своего извозчика и изъ-подъ поднятаго верха колясочки сдѣлала ему знакъ.

А теперь ни панны Юзефы, ни извозчика не было и Корецкій напрасно искалъ ихъ. Было ясно, что панна Юзефа уѣхала не дождавшись, но почему— Корецкій не могъ сообразить.

Ничего не понимая, онъ стоялъ, растерянно оглядываясь.

Маничка остановилась неподалеку и удивленно слѣдила за нимъ, а онъ не зналъ, что ему дѣлать.

— Ты что тутъ стоишь? — окликнулъ его знакомый голосъ и, оглянувшись, онъ увидѣлъ Пыжа съ его подвязанной щекой.

Корецкій съежился и присѣлъ, словно пойманный на мѣстѣ преступленія не своимъ пріятелемъ, а кѣмъ-нибудь, на чьей обязанности лежитъ ловить людей именно на мѣстѣ преступленія.

— Дурья голова! — быстро заговорилъ Пыжъ,— иль ты въ ловушку захотѣлъ попасться? вѣдь, тебя вокругъ пальца обвели! Чего буркалы выпучилъ? Стрекай за мной, не то поздно будетъ!

И онъ схватилъ Корецкаго за руку и повлекъ за собою.

Тотъ, захваченный врасплохъ и испуганный неожиданностью, послушно послѣдовалъ за Пыжомъ.

Маничка видѣла, какъ вдругъ Корецкаго потащилъ за собою такой-же оборванецъ, какъ и онъ, неизвѣстно откуда взявшійся. Они быстро замѣшались среди прохожихъ, сновавшихъ по тротуару и исчезли съ ея глазъ.

Маничка немного постояла, подождала и вернулась къ себѣ въ гостиницу. Больше ей ничего не оставалось дѣлать.

Пыжъ, между тѣмъ, все не выпуская руки Корецкаго, юркнулъ съ улицы въ ворота большого каменнаго дома.

— Куда ты меня ведешь? — освѣдомился, наконецъ, Корецкій, упираясь въ темнотѣ воротъ.

— Тсс... молчи! Это — проходной дворъ, — шепнулъ ему Пыжъ на-ходу.

Корецкій тутъ только понялъ, что ему грозитъ какая-то еще невѣдомая опасность и что Пыжъ хочетъ увести его отъ нея черезъ проходной дворъ. И, не спрашивая уже дальнѣйшихъ объясненій, онъ кинулся было бѣжать вглубь двора, но Пыжъ опять ухватилъ его.

— Куда? не туда, сюда! — показалъ онъ и, повернувъ въ сторону, подбѣжалъ къ помойной ямѣ и присѣлъ за нее.

Корецкій послѣдовалъ его примѣру, хотя и не понялъ, почему это нужно было.

— Сиди молча!—шепнулъ ему Пыжъ, приложивъ палецъ къ губамъ.

Корецкій затаилъ дыханіе.

Прошло нѣкоторое время.

— Ну, вотъ теперь вставай, идемъ! — сказалъ Пыжъ, — теперь поле чисто вокругъ насъ... А чуть было ты не попался на прицѣпку...

И онъ направился, на этотъ разъ уже не торопясь, не крадучись, а вполнѣ развязно и открыто, но не въ сторону, гдѣ въ проходномъ дворѣ можно было ожидать другого выхода, а опять въ тѣ-же ворота, куда они вошли.

— Куда-жъ ты? — спросилъ его Корецкій,—вѣдь, ты говорилъ, что дворъ проходной, чего-жъ мы не идемъ скрозь?

— „Скрозь“! — передразнилъ его Пыжъ, — ты пойми, за тобою „глазъ“ былъ...

— Сыщикъ?

— Ну да! Ты, видно, не знаешь ихъ?

— Не знаю.

— Ну, вотъ и было-бъ тебѣ быть на веревочкѣ... „Глазъ“ за тобой слѣдилъ, а теперь мы его надули. Понялъ?

— Ничего не понялъ.

— Мы въ эти ворота вошли?

— Вошли.

— Какъ ты думаешь, если „глазъ“ слѣдилъ за нами, видѣлъ онъ это или нѣтъ?

— Должно, видѣлъ.

— А какъ ты думаешь, знаетъ-ли онъ, что это— дворъ проходной?

— „Глазъ“-то?

— Да.

— Не вѣдаю...

— Знаетъ, братъ, не хуже насъ всѣ проходные дворы знаетъ... Ну, такъ онъ вошелъ за нами да и сиганулъ „скрозь“, чтобъ догнать насъ по ту сторону, а мы въ прятахъ сидѣли въ это время... Утямилъ теперь? Онъ насъ по ту сторону догоняетъ, а мы съ прохладкой по прежней дорогѣ пойдемъ... Теперь онъ прозѣвалъ насъ...

(Продолженіе будетъ.)

НА КРУТОМЪ ПОДЪЕМѢ. Съ акварели **Н. Н. Каразина** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

КРУШЕНІЕ.

Повѣсть

Вал. Я. Свѣтлова.

(Окончаніе.)

ДЕНЩИКЪ Прокофій вошелъ въ комнату, служившую офицеру кабинетомъ и гостиной. Онъ несъ въ рукахъ письмо.

Ѳедосья Егоровна встала и собралась уходить.

— Будетъ вамъ ломаться, — сказала она на прощанье: — изведете вы совсѣмъ мою Юльку.

И она вышла съ огорченной и недовольной миной вслѣдъ за денщикомъ.

Иванъ Петровичъ остался одинъ. Въ его ушахъ звучали еще слова этой антипатичной ему женщины, которая показалась ему сегодня въ совсѣмъ новомъ свѣтѣ. Онъ считалъ ее пустой, сухой, безсердечной. Но она плакала и въ ея словахъ звучала настоящая любовь къ дочери.

Иванъ Петровичъ задумался. Правильно-ли онъ дѣлаетъ, что стоитъ на такой позиціи? Вѣдь, не онъ-ли самъ говорилъ о равноправности женщинъ, о томъ, что между мужчиной и женщиной не должно быть никакихъ различій на право труда и самобытнаго существованія? Но вотъ, очевидно, то, что такъ легко говорится на словахъ, не такъ легко проводится въ жизнь. Вѣдь, въ томъ, что онъ отказывается отъ ея средствъ, отъ временнаго пользованія этими средствами въ затруднительную минуту жизни, несомнѣнно, кроется нѣкоторая вѣковая, историческая доза презрѣнія къ женщинѣ и ея труду.

Тяжелое раздумье овладѣло имъ.

Не легко пойти противъ этихъ твердо, незыблемо установившихся взглядовъ общества. Не легко переносить его презрѣніе. Вѣдь, все-таки придется жить среди людей... Какъ быть? Что сдѣлать? Онъ положилъ руки на столъ, у котораго сидѣлъ и опустилъ на нихъ голову. Ему хотѣлось плакать—такъ все было безнадежно и уныло и такъ онъ чувствовалъ себя стоящимъ предъ глухой стѣной.

Конечно, можно перешагнуть черезъ эту стѣну, какъ-нибудь вскарабкавшись на нее. Получить нѣсколько увѣ-

чій и ранъ его не пугаетъ, но дальше-то что? что за этой стѣной?

Онъ вспомнилъ о письмѣ и распечаталъ его.

Ему писалъ Матвѣй Семеновичъ:

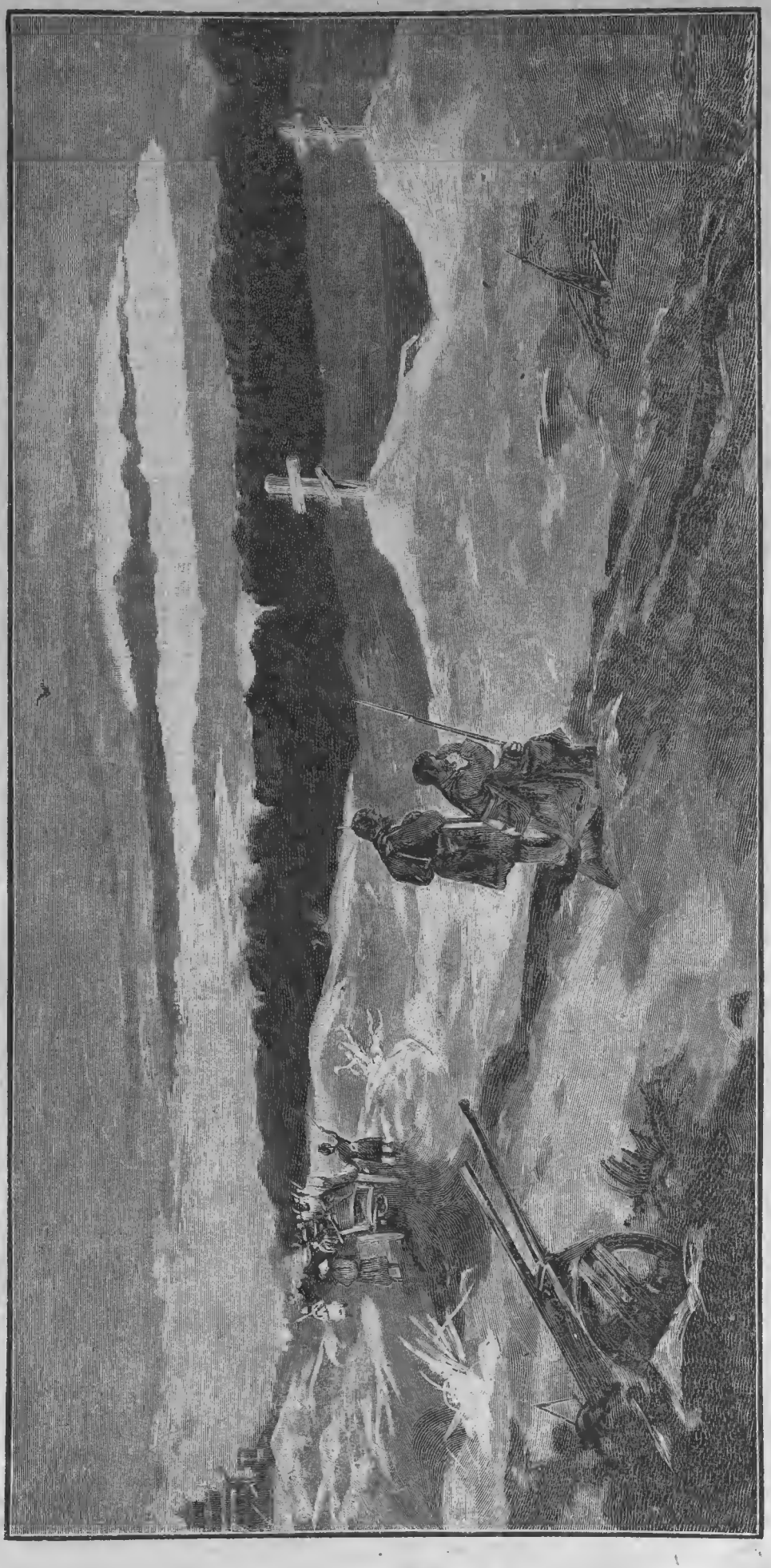
„Молодой другъ мой! Мѣсто, о которомъ мы съ вами говорили предъ отъѣздомъ, существуетъ въ природѣ. Мнѣ удалось раньше, чѣмъ я ожидалъ захватить его для васъ. Жалованья семьдесятъ пять рублей, съ перспективой черезъ полгода получить сто. О дальнѣйшихъ перспективахъ не говорю, но уголокъ будущаго могу приподнять предъ вами и дать вамъ заглянуть въ него: впослѣдствіи можете сдѣлаться управляющимъ конторой завода на триста рублей въ мѣсяцъ. Но это въ будущемъ, можетъ быть, далекомъ и, во всякомъ случаѣ, между нами. Согласны на то, что предлагаю сейчасъ? Если да, немедленно телеграфируйте мнѣ, это необходимо, чтобы, такъ сказать, закрѣпить за собой мѣсто“...

Радостное чувство волной хлынуло въ сознаніе Ивана Петровича.

Глухая стѣна какъ-то сразу раздвинулась, вдругъ нежданно-негаданно, словно въ театрѣ..

Но не прошло и минуты, какъ изъ этой образовавшейся бреши хлынули тучи сомнѣній. Эти семьдесятъ пять рублей устраивали его жизнь несомнѣнно! Вѣдь, и офицеромъ онъ не получалъ больше и при его скромныхъ потребностяхъ ему этого хватитъ, не говоря о дальнѣйшихъ перспективахъ. Но... развѣ онъ можетъ взять съ собой туда Натарову? Развѣ онъ имѣетъ право лишить ее ея крупнаго заработка, составляющаго гордость ея жизни и дающаго ей полную независимость существованія? Развѣ онъ можетъ сказать ей: „брось все, брось, что ты съ такимъ великимъ трудомъ завоевала себѣ, и иди за мной на нищенское существованіе, на лишенія, борьбу, брось все и начинай все сначала“?

Онъ развелъ руками. Другое дѣло, если-бы это мѣсто было въ этомъ городѣ, гдѣ она уже организовала свой трудъ. Но бросать все, чтобы ѣхать за нимъ на неизвѣстное, на



ПОСЛѢ ВОЙНЫ. ПОСЛѢДНЕЕ „ПРОСТИ“. Оригин. рис. **С. В. Кіевскаго**; гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

неопредѣленное — это онъ не можетъ предложить ей. И если онъ не хочетъ существовать на ея средства, то и онъ не можетъ отъ нея требовать, чтобы она согласилась жить на его несчастные семьдесятъ пять рублей.

И опять отверстіе стѣны сплотилось и сомкнулось предъ нимъ, и опять тяжелыя думы овладѣли имъ.

Онъ пододвинулъ бумагу и рѣшительнымъ жестомъ взялся за перо.

„Согласенъ, ѣду на-дняхъ“,—твердымъ почеркомъ написалъ онъ.

— Прокофій!

Денщикъ явился.

— Отнеси это на телеграфъ.

— Слушаю, ваше благородіе...

XIII.

На другой день, предъ вечеромъ, послѣ цѣлодневной душевной борьбы, Иванъ Петровичъ началъ укладываться.

Отставка его еще не вышла, но онъ взялъ продолжительный отпускъ и просилъ въ полковой канцеляріи, чтобы полкъ выслалъ ему своевременно всѣ необходимые бумаги и документы.

Что-бы ни случилось, какъ-бы ни взглянула на его рѣшимость Юля, онъ твердо рѣшилъ ѣхать на предложенное мѣсто.

Онъ заглянулъ въ окно, собирая со стола вещи.

Сумерки весенняго вечера наплывали со всѣхъ концовъ на длинную, узкую глухую улицу. Подъ самымъ окномъ его зажгли керосиновый фонарь, который горѣлъ тусклымъ, вялымъ пламенемъ. Въ комнатѣ было душно. Иванъ Петровичъ открылъ окно и въ него пахнуло весеннимъ воздухомъ. Ему захотѣлось вдругъ сбросить съ себя всю эту вялость, все это безсиліе, которое овладѣло имъ въ послѣднее время. Ему захотѣлось доброй, дѣятельной жизни, работы, труда, ему захотѣлось проснуться къ новой жизни.

Конечно, если-бы онъ могъ уѣхать туда съ нею! Какое это было-бы счастье для него! Серьезное счастье! Но... если это окажется невозможнымъ, то лучше взять то, что даетъ жизнь, не гонясь за большимъ.

И только что эта мысль мелькнула ему, какъ онъ почувствовалъ, что она не принесла ему ни успокоенія, ни облегченія. Это говорилъ разумъ, разсудокъ, но сердце трепетно и мучительно сжималось отъ неудовлетвореннаго счастья. Да, движенія сердца никогда не идутъ въ унисонъ съ движеніями разума и между ними органическій разладъ. Но что дѣлать! Не всегда жизнь зависитъ отъ человѣка, а часто человѣкъ отъ нея. Развѣ его вина, что онъ попалъ въ эту зависимость?

Уложивъ послѣднія вещи въ сундукъ, онъ одѣлся и вышелъ. Ему хотѣлось еще разъ пройтись по улицамъ этого города, который вдругъ сталъ ему близокъ и дорогъ въ эти три года. Ему хотѣлось еще разъ побывать въ городскомъ саду, полюбоваться съ обрыва на эту дивную природу, помечтать въ послѣдній разъ въ уединеніи.

Но какая-то тайная сила заставила его свернуть съ бульвара въ сторону отъ театра и клуба и войти въ небольшую боковую улицу.

Окна ея домика были освѣщены.

Юлія сидѣла дома и онъ увидѣлъ сквозь занавѣси ея темный силуэтъ.

Иванъ Петровичъ вошелъ въ домъ.

Давно-давно они уже не видались.

При видѣ его она вскрикнула и въ этомъ вырвавшемся, неподготовленномъ крикѣ было столько радости и столько боли!

— Ваня, наконецъ!—проговорила она, задыхаясь.

Онъ робко подошелъ къ ней. Они поцѣловались.

— Наконецъ, ты вспомнилъ обо мнѣ. Я такъ стосковалась!..

— А я?—сказалъ онъ тихо.

— Я все ждала тебя, все ждала, все сидѣла дома. Но ты не шелъ, не шелъ...

Она усадила его на тахту и любовно смотрѣла на него.

И онъ взглянулъ ей прямо въ глаза.

Какъ она измѣнилась! Что-то скорбное, серьезное и мрачное легло на ея красивое лицо. Она похудѣла, поблѣднѣла, какъ-то странно осунулась. Въ ея чудныхъ глазахъ стоялъ какой-то нѣмой вопросъ и взоръ ихъ былъ печаленъ.

Она была страшно влюблена въ него; онъ это видѣлъ, онъ это чувствовалъ и каждое біеніе сердца и каждое движеніе души его отвѣчало на ея невысказанное, но угадываемое имъ чувство. И что-то свѣтлое, хорошее, огромное забиралось въ душу Ивана Петровича.

Но вотъ онъ оглядѣлся. Ему хотѣлось запечатлѣть въ своей памяти эти милыя, дорогія ему комнаты, весь этотъ тихій, славный уголокъ, въ которомъ жила его Юля.

И лобъ его нахмурился. Мрачное, тоскливое чувство овладѣло имъ. Вотъ новая, богатая, красивая лампа... новый коверъ во всю комнату на полу... новыя мутаки и подушки, и на Юлѣ новое, очень хорошее домашнее платье. Сколько новыхъ вещей въ послѣднее время! И вся эта обстановка, вся эта домовитость, всѣ эти новыя вещи раздражали его, подымали въ душѣ его волну горя.

„Вещи держатъ ее!—мелькнуло въ его сознаніи,—она не разстанется съ ними! Не потому, быть можетъ, что онѣ ей дороги сами по себѣ, но онѣ дороги ей, какъ символы, какъ показатели ея труда, какъ вѣхи на пути ея борьбы и завоеваній... Это—трофеи женской побѣды. Это—знамена самостоятельности и независимости. А ему развѣ не все равно, почему онѣ держатъ ее? Онѣ держатъ ее—и въ этомъ все“...

Натарова съ тревогой во взорѣ наблюдала за нимъ.

Она недоумѣвала, что съ нимъ дѣлается, почему на его лицѣ происходитъ такая смѣна впечатлѣній. Она подошла къ нему, сѣла рядомъ съ нимъ и обвила его шею руками. И въ томъ невольномъ движеніи, которое онъ сдѣлалъ, чтобы отстраниться отъ нея, она почувствовала, что имъ владѣетъ прежнее настроеніе и что оно цѣпко держитъ его въ рукахъ.

— Милый,—съ грустью сказала она,—ты никогда не любилъ. Ты не знаешь, что значитъ страдать, что значитъ любить, что значитъ думать тяжелыми ночами все объ одномъ, все объ одномъ! И въ то время, когда работаешь, и въ то время, когда отдыхаешь, все думать объ одномъ, все жить для одного...

— Почему ты такъ думаешь?—холодно спросилъ онъ.

— Потому что, если-бы ты любилъ... если-бы ты любилъ, какъ я, ты бросилъ-бы всѣ эти мелочныя разсужденія, всѣ эти ненужныя раздумыванія, ты смѣло и просто женился-бы на мнѣ и мы стали-бы жить вдвоемъ, вотъ здѣсь, и жизнь стала-бы намъ обоимъ легче. Зачѣмъ, зачѣмъ мы оба страдаемъ, зачѣмъ мы дѣлаемъ невыносимымъ свое существованіе?

Иванъ Петровичъ горько усмѣхнулся.

— Послушай, Юля,—сказалъ онъ.—Ты говоришь неосторожныя слова.

— Какъ неосторожныя?—съ удивленіемъ спросила она.

— Да, неосторожныя. Какъ ты не подумала, что я могу сказать тебѣ эти самыя слова и ты не найдешься, что на нихъ отвѣтить? Я могу тебѣ сказать: „Юля, ты никогда не любила. Если-бы ты знала, что значитъ любить, ты смѣло пошла-бы за мной, на скудное, правда, нищенское существованіе, но на существованіе вдвоемъ, съ горячо-любящимъ человѣкомъ“... Тебя не можетъ удовлетворить любовь безъ этого...—онъ презрительнымъ жестомъ обвелъ комнату,—безъ этой вотъ всей дребедени. Ты—раба мелочныхъ удобствъ жизни. Ты не свободна. Большія деньги и дорогія вещи крѣпко держатъ тебя, сжимаютъ твое чувство, которое оказывается слабымъ...

Онъ говорилъ это рѣзко, нахмуривъ брови, смотря въ сторону, избѣгая ея взгляда.

— Ничего не понимаю,—отвѣтила она, чувствуя, какъ какое-то невольное раздраженіе подымается въ ней.

— Чего ты не понимаешь?

— Не понимаю, за что ты упрекаешь меня, Ваня,—заговорила она горячо. Ты знаешь мое происхожденіе, ты знаешь мою мать. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ жаждала я вырваться изъ той обстановки, въ которую поставила меня судьба. Я не хотѣла пользоваться средствами матери и общество, въ которомъ я проводила свои юные годы, угнетало меня. Я всегда, съ первыхъ дней сознательной жизни, хотѣла вырваться изъ этого тѣснаго омута, чтобы завоевать жизнь, чтобы выбраться на свободу, чтобы зависѣть отъ себя одной, отъ своего труда. Мнѣ это удалось, удалось сверхъ мѣры и сверхъ ожиданія. Я хотѣла быть самостоятельной; я много работала, много терпѣла лишеній въ первое время. Но это удалось, удалось мнѣ.

Въ ея словахъ звучала гордость, которую она старалась тщетно скрыть.

— Ничто не можетъ быть такъ отрадно, какъ созвавать, что ты живешь, ни отъ кого не завися, или, вѣрнѣе, завися отъ трудовъ своихъ рукъ. Это чувство можетъ испытать лишь тотъ, кто терпѣлъ нужду и вышелъ изъ нея. Ни одинъ богачъ, который не заработалъ своего богатства своимъ трудомъ, не можетъ испытать это блаженное чувство. Такъ за что-же ты упрекаешь меня? Что мнѣ дорога эта дребедень, какъ ты говоришь? Но, вѣдь, она мнѣ дорога, какъ можетъ быть, дорогъ другъ, пріобрѣтенный на жизненномъ пути. Вѣдь, я съ нимъ сжилась, вѣдь, каждая вещь создана моимъ трудомъ и каждая напоминаетъ о пройденномъ уже тяжеломъ пути. У каждой изъ нихъ есть своя исторія. Ты говоришь, что я не пойду за тобой. Куда? Куда ты зовешь меня? Вѣдь, у тебя еще ничего нѣтъ, ничто не сложилось. Я предлагаю тебѣ союзъ. Я предлагаю тебѣ спокойно приглядѣться къ жизни, сдѣлать, что я сдѣлала, найти себѣ трудъ и обезпеченье. И когда тебѣ удастся это... а это тебѣ удастся, потому что это удается каждому, у кого голова на плечахъ и сила воли въ груди... тогда...

— Я зову тебя,—прервалъ онъ ее,—съ собой. Я получилъ письмо отъ Матвѣя Семеновича, который мнѣ даетъ мѣсто на заводѣ въ семьдесятъ пять рублей, а потомъ обѣщаетъ гораздо больше. Вотъ куда я зову тебя. Это далеко отсюда; городъ для тебя новый, неизвѣстный. Твой трудъ таковъ, что ты можешь и тамъ трудиться. Но все придется начинать сызнова и тамъ, конечно, есть конкурренція. Если ты любишь борьбу, то вотъ тебѣ борьба. Ты не должна пугаться этого.

Онъ взглянулъ на нее и усмѣхнулся. Въ ея глазахъ, пока онъ говорилъ, промелькнуло тревожное, испуганное выраженіе, которое она постаралась быстро подавить. Онъ понялъ, что она сейчасъ согласится, согласится съ болью въ душѣ и эта боль еще усилится, когда ей придется вырвать себя изъ этой привычной ей обстановки и жизни. И ему сдѣлалось страшно взять на себя эту отвѣтственность за изломанную имъ чужую жизнь.

Онъ окончательно отстранился отъ нея и всталъ.

— Юля,—сказалъ онъ,—не отвѣчай мнѣ! Я не правъ. Я не хочу жертвъ и не имѣю права ломать чужую жизнь. У тебя есть кусокъ хлѣба вѣрный, обезпеченный. Зачѣмъ я буду звать тебя на невѣрное? Зачѣмъ? Я это сказалъ, чтобы возразить на твои упреки, чтобы побить тебя твоимъ-же оружіемъ. Но я не хочу этого, я не допущу до этого. Потомъ я буду всю жизнь каяться, и если жизнь наша не сложится, какъ-бы хотѣлось, я не прощу себѣ этого. Да и ты не простишь...

Онъ подошелъ къ окну, отодвинулъ занавѣски. Въ комнатѣ было душно, онъ открылъ окно. Свѣжій весенній воздухъ ворвался въ комнату и наполнилъ ее ароматомъ бѣлыхъ акацій, доносившимся сюда легкимъ вѣтеркомъ съ бульвара. И глухіе звуки оркестра, игравшаго въ городскомъ саду, точно таяли въ этомъ сладкомъ воздухѣ. Свѣтила луна, бросая въ улицу снопы своего яркаго голубого свѣта; прозрачныя тѣни ложились поперекъ улицы отъ домовъ на тѣневой сторонѣ, а вдали видѣлись верхніе этажи клубнаго зданія, съ неосвѣщенными теперь изнутри окнами, на которыхъ игралъ серебристый отблескъ луны.

— Смотри,—сказалъ Иванъ Петровичъ,—вотъ городъ, который держитъ тебя въ своихъ цѣпкихъ объятіяхъ. Вы оба привыкли другъ къ другу. Ты отдала ему всѣ свои силы, всю энергію, весь трудъ. Онъ далъ тебѣ все это, что у тебя есть, и щедро возваградилъ тебя... Не вырвать мнѣ тебя изъ его объятій, да я и не хочу этого. Я не могу представить тебя въ иной обстановкѣ, чѣмъ въ этой.

Онъ отошелъ отъ окна, быстро подошелъ къ ней, страстно обнялъ ее.

— Прощай,—сказалъ онъ.—Прощай, Юля. Я уѣду завтра.

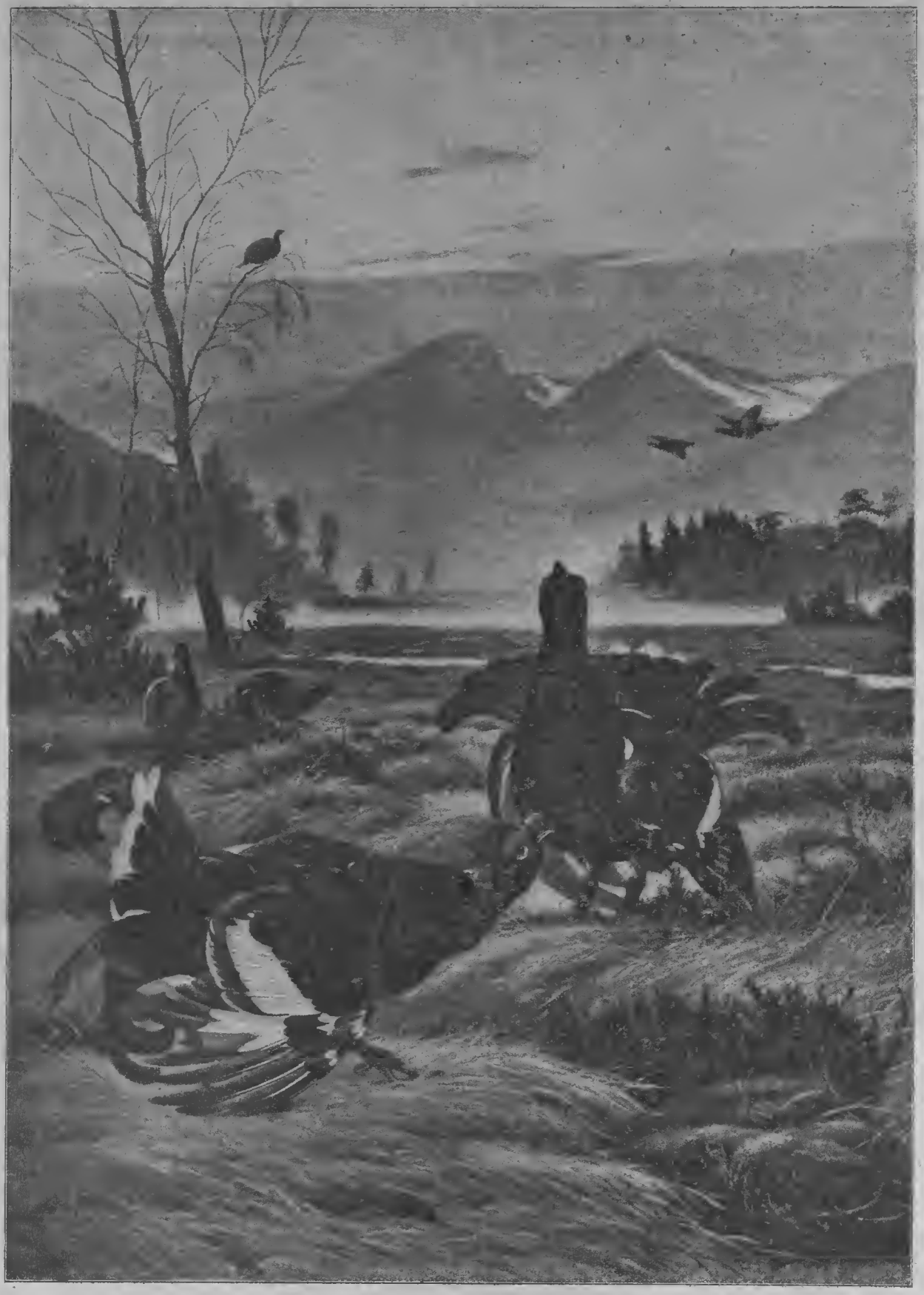
— Завтра?—вздрогнувъ, спросила она.—Завтра? Такъ скоро?

— Да... У меня все готово. Не будемъ больше говорить о нашей любви. Я знаю, какъ и ты, что мы любимъ другъ друга. Но потому-то намъ и нужно покинуть другъ друга... чтобы сохранить нетронутой эту любовь. Прощай-же, моя родная... Предоставь жизни рѣшать за насъ. Кто первый изъ насъ не выдержитъ разлуки, тотъ вернется. Тогда никто изъ насъ не будетъ въ правѣ укорять другъ друга. Мы сдѣлаемъ все, что можемъ. Я не могу жить на твои средства; пусть, пусть это—предразсудокъ, неуваженіе къ женскому труду, что хочешь... но вся душа моя возмущается при одной мысли объ этомъ. И ты не можешь бросить то, съ чѣмъ ты сжилась. Не станемъ крушить и ломать ради любви то, что намъ дороже всего на свѣтѣ,—нашихъ взглядовъ на жизнь... Прощай. Я буду трудиться, работать. Когда получу что-нибудь солидное или разбогатѣю,—онъ горько улыбнулся,—тогда пріѣду за тобой.

Спазма схватила его за горло и онъ сдѣлалъ героическое усиліе, чтобы не разрыдаться. Натарова плакала.

— Поѣзжай!—сквозь слезы отрывисто сказала она.—Поѣзжай! Чтобы завоевать жизнь, надо быть

ПОСЛѢДНІЯ РОЗЫ. Съ картины **В. Чахорскаго.**



ГЛУХАРИ. Съ картины О. Рекнагель.

свободнымъ. Я не хочу, чтобы, женившись на мнѣ, ты чувствовалъ себя несчастнымъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу этого.—Она вытерла слезы, взяла себя въ руки и уже тверже заговорила: — я видѣла-бы тебя безъ дѣла празднымъ, скучающимъ и, можетъ быть, охладѣла-бы къ тебѣ. Жизнь—не то, что мы о ней думаемъ, Ваня. Она жестока и часто безобразна. Это—врагъ, котораго надо покорить; но часто она покоряетъ того, кто съ ней вступаетъ въ борьбу. Я побѣдила ее съ матеріальной стороны, но вотъ она мститъ мнѣ и наноситъ глубокія раны со стороны душевной. И такъ всегда! За маленькую побѣду,—крупное пораженіе... Она ставитъ такія преграды, выдвигаетъ такія положенія, черезъ которыя не перешагнуть самому сильному, самому вооруженному человѣку; потому что она — нѣчто огромное, необъятное, а мы съ тобой — маленькіе и ограниченные. И жизнь смѣется надъ нашими „побѣдами“! Все кажущееся освободившимся отъ традицій и возвышеннымъ надъ пошлыми взглядами, все это разлетается въ прахъ при первомъ столкновеніи съ настоящими вопросами жизни. Уѣзжай! Есть положенія, когда мечту можно больше любить и лелѣять, чѣмъ ея осуществленіе... Я буду любить мечту нашей любви, нашу неудавшуюся любовь...

Слезы опять затуманили ея глаза.

Иванъ Петровичъ слушалъ ее молча, низко опустивъ голову.

Теперь и онъ плакалъ, плакалъ, какъ ребенокъ, безсильными, неудержимыми слезами.

— Уѣзжай!—продолжала она, прислушиваясь къ этому слову, которое точно доставляло ей мучительное страданіе и было именно сладко этимъ.—Уѣзжай! Я буду ждать тебя. Я буду мечтать о тебѣ, о тебѣ, какимъ я вижу тебя въ мечтахъ о нашемъ замужествѣ. Мы разстаемся надолго...

Онъ покачалъ головой.

— Навсегда! — вырвалось у него глухимъ рыданіемъ.

Она вздрогнула, вся какъ-то сжалась и безсильно упала на тахту.

Иванъ Петровичъ быстро вышелъ изъ комнаты, не оглядываясь и словно убѣгая отъ тѣхъ заглушенныхъ подушкой рыданій, которыя, какъ злые призраки, неслись за нимъ.

XIV.

Поѣздъ тронулся.

Сквозь туманъ слезъ, застилавшихъ глаза Юліи Алексѣевны, она смотрѣла на это желѣзное чудовище, уносившее въ глубокую даль ея неосуществленное счастье. Въ послѣдній разъ она увидѣла въ окнѣ вагона блѣдное, разстроенное лицо Ивана Петровича.

Погода съ утра стояла хмурая. Шелъ дождь. Это былъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда побѣжденная весною зима, вдругъ возвращается назадъ со всей своей арміей дождей, холода и тумановъ, чтобы постараться отвоевать свое положеніе. Эти дни врываются холоднымъ диссонансомъ въ стройную, теплую мелодію торжествующей весны, какъ въ устроенную, счастливую жизнь врываются иногда ноты холодной скорби.

И когда Натарова возвращалась черезъ этотъ городъ съ опущенной на него сѣтью дождя, черезъ этотъ городъ со всѣми его глупыми думами и чувствами, нелѣпыми взглядами и предразсудками, созданными на то, чтобы калѣчить жизнь людей, ей показалось, что эти дома и эти улицы и все вкупѣ, что называется городомъ, навалилось на нее всею своею тяжестью... И холодный, сырой туманъ отъ этого дрянного, мелкаго дождя закрадывается ей въ душу и леденитъ въ ней все то хорошее, что жило въ ней до сихъ поръ.

КОНЕЦЪ.

Въ восьмой ротѣ.

Разсказъ Ив. Епифанова.

Утро было пасмурно и туманно. Какъ изъ сита, моросилъ дождь и улицы города, покрытыя сѣрой грязью, были пустынны. Кое-гдѣ на троттуарѣ виднѣлись одинокіе прохожіе да собаки, выскочивши изъ-подъ воротъ, съ лаемъ бросалась на пріютившихся въ выступахъ карнизовъ кошекъ. Кошки, фыркая и выгибая спину, скрывались на заборахъ, а собачій лай неумолчно будилъ пустынныя улицы.

Только на окраинѣ города уже чуть замѣтно кипѣла жизнь. Тамъ на вокзалѣ желѣзной дороги ожидали прибытія поѣзда.

По дебаркадеру бродили пассажиры, на сундукахъ и котомкахъ сидѣли крестьяне, уныло смотря на рельсы и шпалы, среди которыхъ червѣли лужицы воды. Нѣсколько женщинъ съ платками на головахъ толпились около желѣзнодорожнаго сторожа, стоявшаго возлѣ сигнальнаго звонка.

— Такъ ты, родимый, говоришь, что этотъ поѣздъ военный?—спрашивали женщины.

— Обязательно! — отвѣчалъ сторожъ, — потому, значитъ, что намъ перво-наперво приказано приготовить комнаты для офицеровъ,

— Для офицеровъ! — протянула одна изъ женщинъ, — а я думала для солдатъ.

— А ты погоди, — замѣтилъ сторожъ, — ежели, значитъ, комнаты надо для офицеровъ, то, значитъ, съ офицерами ѣдутъ и солдаты. Поняла?

— Поняла, родимый. Оно, конечно, гдѣ-же офицеру безъ солдата или солдату безъ офицера, всегда вмѣстѣ.

— Какой полкъ-то ѣдетъ?

— Всѣ полки сразу.

— Какъ такъ?

— Да такъ собрали, значитъ, всѣхъ, которые побольше ранены, ну и послали впередъ.

- О, Господи! А давно они ѣдутъ?

— Такъ, полагаю, что съ мѣсяцъ въ дорогѣ, потому путина длинная, верстъ тысячъ десять.

— Ахъ! батюшки свѣты!

— То-то и оно! Ну, ладно, отходите, некогда! поѣздъ идетъ.

Женщины въ платкахъ отошли отъ сторожа и, подойдя къ краю платформы, посмотрѣли въ даль, гдѣ чуть-чуть замѣтной черной точкой вырисовывался паровозъ и длинной лентой тянулся дымъ изъ его трубы. Сидѣвшія на сундукахъ и котомкахъ мужики тоже привстали и направились къ кассѣ. Но она была заперта.

— Почему такъ? — спросилъ одинъ изъ пассажировъ желѣзнодорожнаго служащаго.

— Билеты продаваться на этотъ поѣздъ не будутъ.

— А отчего?

— Поѣздъ воинскій. Въ немъ везутъ солдатъ съ Дальняго Востока. Здѣсь высадятъ всѣхъ, кто принадлежитъ къ полкамъ дивизіи, расположенной въ нашемъ городѣ.

— Мм!..—промычали крестьяне и снова усѣлись на свои мѣста.

Поѣздъ приближался. Были уже видны его буферные фонари, поблескивали ярко начищенные мѣдные приборы паровоза, слышалось тяжелое пыхтѣнье его. Еще минута—и паровозъ, шипя и словно переводя дыханіе, остановился у станціи.

Изъ всѣхъ оконъ вагоновъ смотрѣли блѣдныя лица солдатъ. Солдаты кивали головами, улыбались — и въ этомъ киваньѣ, и въ этихъ улыбкахъ чувствовалось, что они рады, рады тому, что ѣдутъ по русской землѣ, среди своихъ родныхъ полей и луговъ.

Изъ вагона перваго класса выскочилъ на платформу загорѣлый военный. Накинутая на немъ шинель была изъ сѣраго солдатскаго сукна, сапоги въ грязи, фуражка выцвѣтшая и только погоны со звѣздочками свидѣтельствовали, что это — не солдатъ, а офицеръ.

Подойдя къ начальнику станціи, офицеръ развернулъ бумагу.

— Это городъ N.?—спросилъ онъ.

— Да, N.

— Прекрасно. Здѣсь стоятъ роты м—скаго полка.
— И м—скаго, и ш—скаго, и т—скаго здѣсь.
— Отлично. Фельдфебель!—крикнулъ офицеръ.
Словно изъ-подъ земли выросъ бравый солдатъ.
— Что прикажете, ваше благородіе?
— Рядовой Кузьминъ восьмой роты м—скаго пол а долженъ быть высаженъ здѣсь.
— Слушаю-сь!
Фельдфебель повернулся на каблукахъ и исчезъ въ одномъ изъ вагоновъ.
Черезъ минуту фельдфебель снова появился, а вслѣдъ за нимъ шелъ обросшій бородой солдатъ. Онъ немного прихрамывалъ, но все-таки шелъ бодро. На сѣрой шинели солдата, на черной съ желтымъ ленточкѣ блестѣлъ бѣлый серебряный крестикъ.
— Ты—Кузьминъ?—обратился офицеръ къ вытянувшемуся солдату.
— Такъ точно! Правофланговый восьмой роты м—скаго полка.
— Ты, Кузьминъ, останешься здѣсь.
— Такъ точно, ваше благородіе! А какой это городъ?
— Городъ N.
— Ни раза не бывалъ здѣсь, ваше благородіе, сторона чужая... нельзя-ли мнѣ въ мой полкъ?
— Чудакъ! онъ здѣсь и стоитъ, потому-то тебя здѣсь и оставляютъ.
Глаза Кузьмина вспыхнули.
— Коли такъ, ваше благородіе, то очень благодаренъ, потому для меня моя рота все равно, что семья, потому одинъ я.
— Прекрасно! Вотъ тебѣ билетъ, явись съ нимъ къ командиру.
Офицеръ передалъ Кузьмину бумагу и полѣзъ въ карманъ.
— Бумажка отъ начальства, — проговорилъ онъ,— а это отъ меня!—и офицеръ сунулъ Кузьмину въ руку нѣсколько серебряныхъ рублей.
— За что, ваше благородіе?—смѣшался Кузьминъ.
— Ну, тамъ сосчитаемся, бери!
— Покорнѣйше благодарю, ваше благородіе,—проговорилъ Кузьминъ,—такъ что, ваше благородіе... поцѣловать васъ позвольте, какъ, значитъ, отца родного...
— Полно, полно, Кузьминъ, лучше я тебя поцѣлую.
Офицеръ наклонилъ голову Кузьмина, поцѣловалъ его и сказалъ.
— Передай этотъ поцѣлуй своимъ товарищамъ по ротѣ; скажи, что въ твоемъ лицѣ я цѣлую всю роту, въ которой есть такіе молодцы, какъ ты, Кузьминъ... Ну, можно отправляться... Кондукторъ, свистокъ!
— Ва, ва, ва...— бормоталъ Кузьминъ, хватая за шинель офицера,—отецъ, спасибо... обласкали... ввѣкъ не забуду! Ваше благородіе, ваше благородіе,—кричалъ Кузьминъ офицеру, стоявшему на площадкѣ вагона уже двинувшагося поѣзда,—ежели когда-нибудь понадобится вамъ Кузьминъ, весь онъ вашъ, весь съ этой минуты, потому обласканъ... Господа, ротѣ цѣлой, товарищамъ! Помните, ваше благородіе, вашъ Кузьминъ, весь вашъ...
А поѣздъ громыхалъ колесами и мѣрно двигался впередъ. Вотъ вдали изъ вагона махнули платкомъ. Кузьминъ понялъ, что это офицеръ машетъ ему на прощанье и самъ замахалъ фуражкой въ отвѣтъ.
Поѣздъ исчезъ.
Долго-бы простоялъ Кузьминъ на платформѣ, смотря въ даль, гдѣ исчезъ локомотивъ съ вагонами, если-бы его не хлопнулъ по плечу начальникъ станціи.
— Кавалеръ, не собирай публики,—произнесъ начальникъ.
— Что?—отвѣтилъ Кузьминъ, не понимая.
— Не собирай публики, говорю. Посмотри!
Кузьминъ оглянулся. Дѣйствительно, около него собралась масса народа, но такъ какъ самъ онъ стоялъ на самомъ краю платформы, то и не замѣтилъ того, что дѣлалось сзади него.
— Оно точно!
Кузьминъ повернулся и шагнулъ къ вокзальнымъ дверямъ. Но это было неисполнимо. Мужики, сидѣвшіе на мѣшкахъ, бабы, раньше стоявшія около желѣзнодорожнаго сторожа, всѣ толпой хлынули къ Кузьмину и окружили его.
— Родной нашъ! Голубчикъ! Герою честь и уваженіе! Кавалеру! Ура!
Женщины и мужчины пожимали руки Кузьмина, цѣловали его.
— Братцы, за что? Что я сдѣлалъ? Я ничего не сдѣлалъ,—шепталъ Кузьминъ, переходя изъ одной объятій въ другія.
— Вѣдь, ты, голубчикъ, съ Георгіемъ, значитъ, и съ изъянцемъ...значитъ, недаромъ ѣлъ ты солдатскій пасъ...пострадалъ, не спускалъ басурману... билъ его... защитилъ родину, святую Русь, отечество!
Всѣ эти слова гуломъ неслись надъ головою Кузьмина и онъ теперь не отдавалъ себѣ отчета и, подхваченный толпой, шелъ туда, куда несла его эта народная волна.
А она несла его прямо къ казармамъ. Кто-то изъ толпы забѣжалъ впередъ и сообщилъ въ восьмой ротѣ, что къ нимъ идетъ правофланговый, вернувшійся съ полей Манчжуріи съ Георгіевскимъ крестомъ. Эта вѣсть быстро разнеслась по полку и командиръ восьмой роты, совсѣмъ еще юный поручикъ, только что прибывшій въ полкъ, съ разрѣшенія командира полка, выстроилъ свою роту для встрѣчи товарища. Солдаты сами чувствовали приближеніе минуты, когда они встрѣтятъ своего бывшаго правофланговаго, выбраннаго въ походъ среди всѣхъ солдатъ роты. Солдаты помнили, какъ провожали товарища, сколько пожеланій ему надавали, и вотъ теперь онъ, Кузьминъ, опять среди нихъ, опять займетъ свое мѣсто. «Но каковъ онъ теперь?—думалось солдатамъ,—герой или»... Но Кузьминъ не можетъ быть не героемъ!
Солдаты восьмой роты стояли въ шеренгу. Поручикъ ходилъ впереди ея и ожидалъ георгіевскаго кавалера.
Шумливо подвигалась народная волна и остановилась около шеренги. Изъ толпы вышелъ Кузьминъ.
— Смирно!—скомандовалъ поручикъ.
Солдаты замерли, поручикъ сдѣлалъ подъ козырекъ Кузьмину.
— Георгіевскому кавалеру... ура! — скомандовалъ поручикъ.
Рота дружно грянула «ура», народъ подхватилъ его и, могучее, оно разнеслось далеко-далеко.
Многое поразсказалъ Кузьминъ своей ротѣ про манчжурскую войну, разсказалъ и про то, за что крестъ получилъ, и рота съ напряженнымъ вниманіемъ слушала своего товарища и лишь хвалила за его подвиги.
А Кузьминъ сдѣлалъ не мало. Онъ спасъ командира, двухъ офицеровъ и, наконецъ, цѣлую роту солдатъ отъ обхода врагами. Крестъ, бѣлый Георгіевскій крестъ онъ заслужилъ за личную храбрость.
Приближался день празднованія ордена св. Георгія. Восьмая рота особенно готовилась къ этому дню. Наконецъ, наступилъ и день 26-го ноября. Какъ и всякій, имѣющій возможность отличить особенно выдающійся день своей жизни, забываетъ объ этомъ, Кузьминъ забылъ о 26-мъ ноября и въ этотъ день спокойно сидѣлъ въ казармѣ, починяя свой мундиръ. Онъ не замѣтилъ, что всѣ его товарищи по ротѣ вышли, не видалъ и того, что они выстроились около стола, на которомъ стояла икона съ изображеніемъ св. великомученика Георгія, не видалъ и того, что около стола собралось все офицерство полка, съ командиромъ во главѣ.
— Кузьминъ! — послышалось ему; онъ оглянулся и увидѣлъ предъ собою взводнаго, — одѣвайся скорѣе, тебя ждутъ.
— Зачѣмъ?
— Сегодня георгіевскій праздникъ. Одѣвайся! Скорѣе! Командиръ идетъ.
— Командиръ?..
— Да.
Мигомъ надѣлъ Кузьминъ мундиръ, прицѣпилъ свой бѣлый крестъ и вышелъ на площадку.
Какъ только онъ появился, солдаты взяли на караулъ, офицеры отказыряли ему, а священникъ началъ благодарственный молебенъ.
— На молитву!—раздалась команда.
Солдаты звякнули ружьями и сняли фуражки.
Послѣ молебна на площадкѣ появился столъ съ закуской и выпивкой. Командиръ полка первый подошелъ и, взявъ налитую чарку, громко произнесъ:
— Пью за здоровье нашего товарища по полку, рядового Кузьмина! Ура!
— Ура, ура, ура!—подхватила рота и фуражки полетѣли вверхъ.
— Ваше высокоблагородіе, ваше высокоблагородіе,—шепталъ Кузьминъ, обращаясь къ командиру,—за что, за что такая честь?
— За твое здоровье, Кузьминъ! — поднялъ еще разъ чарку командиръ, выпилъ ее и подошелъ къ Кузьмину. —За что, ты спрашиваешь? За твоего «Георгія», которыхъ даромъ не давали, за то, что ты вынесъ всѣ тягости войны и вернулся въ свою роту, за то, что ты не посрамилъ своего полка, за то, что ты былъ доблестнымъ солдатомъ, за то, что бился за родину, за то, что не посрамилъ русскаго оружія! Ура!
Снова прокатилось «ура» среди солдатъ, а Кузьминъ стоялъ и слезы радости блестѣли у него на глазахъ.

КОНЕЦЪ.

БОРЯ КОВЕНЧУКЪ.

Очеркъ

Е. О. Дубровиной.

I.

Онъ родился въ тихую іюньскую ночь на югѣ Малороссіи, въ уютной спальнѣ большого барскаго дома, выходившей окнами въ густой, запущенный садъ. Цвѣтущія вѣтви бѣлой акаціи назойливо врывались въ открытое окно и кивали своими бѣлоснѣжными гроздьями, словно привѣтствовали крохотное существо, красненькое, сморщенное, едва увидѣвшее жизнь и уже протестовавшее всѣми своими наличными силенками противъ насилія и гнета: не нравился ему свѣтъ ночника, падавшій въ его колыбельку, не нравилась горячая вода, обмывавшая его нѣжное тѣльце, не нравилась мыльная пѣна, щекотавшая его уши, залѣзавшая въ носъ и ротъ; а, главное—весьма ненавистно ему было насиліе надъ свободой его движеній сильныхъ, толстыхъ рукъ повитухи, безжалостно стягивавшихъ его крошечныя ручки и ножки широкимъ вязанымъ свивальникомъ. Младенецъ пищалъ слабо и жалобно, какъ замореный котенокъ, но упрямыя руки были безжалостны и ребенокъ затихалъ, послѣ нѣкоторыхъ тщетныхъ попытокъ освободиться отъ тягостнаго плѣна. Позднѣе онъ такъ привыкъ къ своимъ свивальникамъ, что не могъ спать не спеленатый, и мать, смѣясь, говорила, что ея Боря—настоящій сынъ русскаго народа: цѣлуетъ руку, которая его связываетъ.

Эта привычка къ плѣну перешла у Бори въ настоящее наслажденіе, когда его связанное тѣльце, напоминавшее коконъ гусеницы, прикладывали къ чему-то теплому, нѣжному и сквозь крохотное отверстіе пунсоваго ротика въ узенькое горлышко вливалась сладкая струя теплой влаги, отъ которой прибывали силы и округлялось дѣтское тѣльце съ каждымъ прибывавшимъ глоткомъ.

Удивительно рано начало проявляться надъ крошечнымъ Борей милосердіе Божіе. Казалось, что какія-то невидимыя нити связываютъ это слабое созданіе съ Мощнымъ Творцомъ. Мать кормила его, сидя въ большомъ креслѣ, ставя скамеечку подъ ноги, спиною къ кіотѣ, гдѣ всегда теплилась лампадочка предъ образомъ Тихвинской Божіей Матери, съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. Временами малютка выпускалъ изъ ротика материнскую грудь, отклонялъ головку въ бѣленькомъ чепчикѣ, устремлялъ на образъ свои большіе черные глазки—и ангельская улыбка, какъ солнечный лучъ, озаряла его милое личико.

— Мнѣ такъ и кажется, что онъ бесѣдуетъ съ ангелами,—говорила счастливая мать, обращаясь къ молодой женщинѣ, взявшей на себя обязанность нянчиться съ маленькимъ Борей.—Посмотри, Франя, какое у него чудное выраженіе личика.

Молодая двадцатитрехлѣтняя женщина съ нѣжной улыбкой наклонялась къ ребенку и молча кивала головой, чтобъ не спугнуть малютки. Она соглашалась съ теткой, что въ эти минуты Боря, навѣрное, слышитъ небесные голоса, внушающіе любовь и благость его младенческой душѣ.

— Счастливая ты, тетя Варя,—вздыхая, говорила Франя и тихонько садилась, ожидая конца бориной трапезы, чтобы взять его, уже соннаго, и положить въ колыбельку, за бѣлый кисейный пологъ.—Я лишена навсегда радостей материнства, а между тѣмъ...

— Тс... Не смѣй такъ говорить; у тебя цѣлая жизнь впереди.

— Одинокая и безрадостная жизнь, тетя Варя!

Только годъ отдѣлялъ бѣдную молодую женщину отъ той ужасной ночи, когда къ ней принесли окровавленное тѣло ея любимаго мужа, перерѣзаннаго пополамъ желѣзнодорожнымъ поѣздомъ. Студентъ-технологъ, онъ ѣздилъ машинистомъ на линіи отъ Москвы до Курска и, благодаря собственной неосторожности, оросилъ свѣжею кровью ту землю, гдѣ пролилось когда-то цѣлое море крови въ кукуевской катастрофѣ. Франя горячо любила своего мужа и глубоко вѣрила, что та страшная ночь не изгладится изъ ея памяти, проживи она хоть сто лѣтъ.

Семья помѣщика Льва Павловича Коненчука, родного дяди Франи, пріютила у себя одинокую страдалицу, и у колыбельки новорожденнаго Бори въ любящемъ сердцѣ молодой женщины выросло новое чувство—глубокой, почти материнской любви къ крошечному созданію, начинавшему все больше и больше заполнять пустоту ея сердца. Она возстала противъ того, чтобы съ Борей нянчился кто-нибудь, кромѣ нея, и проводила дни подлѣ его кроватки, вязала ему одѣяльца, шила рубашечки, покупала игрушки и книжки, заранѣе составляя ему библіотеку. Ей начинало казаться, что Боря—ея сынъ, что въ него перешла душа ея любимаго страдальца-мужа. И вмѣсто того, чтобы ослабѣвать съ теченіемъ времени, это убѣжденіе внѣдрялось въ душу и мозгъ Франи, и любовь ея къ Борѣ росла и ширилась, принимая размѣры культа.

Судьба, видимо, покровительствовала этой фанатической увѣренности молодой вдовы—по какому-то странному капризу природы, Боря какъ-будто унаслѣдовалъ характеръ погибшаго Даніила Симченко и даже лицомъ начиналъ походить на него: тѣ-же большіе черные глаза, кроткіе и печальные, тотъ-же высокій лобъ, тѣ-же тонкія черты продолговатаго личика и та-же милая, вдумчивая серьезность.

Игрушки береглись годами и переходили къ сестренкѣ Анѣ, бывшей на два года моложе Бори; зато книжки прочитывались быстро одна за другой и скоро пришлось купить книжный шкафъ, такъ какъ на этажеркахъ уже не хватало для нихъ мѣста. Франциска читала ихъ сама вмѣстѣ съ Борей и съ чувствомъ гордаго довольства тратила на духовныя потребности своего племянника ту значительную пенсію, которую выдавало ей правленіе желѣзной дороги послѣ смерти ея мужа. Вначалѣ молодая вдова хотѣла отказаться отъ этой пенсіи, но мысль, что деньги ея могутъ пригодиться Борѣ, заставила ее припять эту «плату за дорогую жизнь»,—какъ говорила она. Она плакала при каждой выдачѣ ей назначенной суммы и по мѣрѣ силъ сокращала свои личныя траты, спѣша расходовать ее на другихъ.

Въ этой атмосферѣ любви, заботы и нѣжности, подъ неусыпнымъ надзоромъ благородной и чуткой женщины, изъ Бори вырабатывался мальчикъ съ нѣжной душой, впечатлительный и отзывчивый къ чужой бѣдѣ,—можетъ быть, даже слишкомъ отзывчивый, такъ какъ вачиналъ все сильнѣе страдать отъ этихъ чужихъ бѣдъ, все горячѣе принимать ихъ къ сердцу.

— Дядя,—не разъ говорила Франциска отцу Бори,—хорошо если-бъ ты почаще бесѣдовалъ съ Борей; въ нашемъ женскомъ обществѣ онъ и самъ дѣлается похожимъ на дѣвочку. А отсутствіе твердой воли—большой недостатокъ въ мужчинѣ.

— Какъ? У Бори есть какой-нибудь недостатокъ?—смѣясь, спросилъ Левъ Павловичъ.—Франя, голубчикъ! Ужъ не больнали ты? не въ бреду-ли?

— Въ здравомъ умѣ и твердой памяти, дядя,—добродушно усмѣхнулась Франциска.—Замѣть, что женственность—единственный недостатокъ Бори.

— А кто въ немъ виноватъ? Ты изнѣжила его, голубушка. Еще чудо, что онъ эгоистомъ не сдѣлался.

— О, нѣтъ, я его не нѣжила, дядя; напротивъ, я старалась его закалять, пріучить къ уступкамъ. Но пусть даже я виновата; надо подумать, какъ-бы поправить это. Хорошо, если-бъ Алеша жилъ дома; Боря смотритъ на него, какъ на оракула.

Этотъ разговоръ происходилъ въ усадьбѣ Ковенчука и слѣдствіемъ его былъ переѣздъ всей семьи въ Петербургъ, гдѣ оканчивалъ классическую гимназію старшій сынъ Льва Павловича, Алексѣй, энергичный, настойчивый юноша, первый ученикъ своего класса. Борѣ шелъ въ это время десятый годъ, и его рѣшили отдать въ ту-же гимназію, гдѣ учился братъ. Для маленькой Ани взяли бонну-нѣмку, добродушную, милую дѣвушку, и семья зажила дружно и мирно, въ хорошенькой квартиркѣ на Васильевскомъ островѣ, съ большимъ садомъ, которымъ они пользовались всего три-четыре мѣсяца въ году: конецъ весны, начало лѣта и конецъ осени. Какъ только заканчивался учебный годъ, семья Ковенчука спѣшила въ свое родовое гнѣздо, на югъ Малороссіи, къ раскидистымъ ветламъ, пирамидальнымъ тополямъ и воробьинымъ ночамъ, съ крупными, снеркающими звѣздами. Ни живописные острова, ни роскошные парки окрестностей столицы, ни даже красавица-Нева, воспѣтая поэтами,—не умѣли замѣнить имъ украинскую степь, вишневые садочки при бѣлыхъ мазанкахъ и «рідный Дніпръ», съ его песочными отмелями, бархатисто-зелеными берегами и шумными, грозными порогами.

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

II. . .

Тихо, дружно и мирно пробѣжали еще четыре года для семьи Ковенчука. Тяжелое горе Франи притихло, какъ-бы придавилось прожитыми годами. Но совсѣмъ оно не исчезло и минутами стонало тихо и нудно тамъ, въ глубинѣ души. Въ особенности оно давало знать себя тогда, когда Боря былъ отданъ въ гимназію и сталъ жить на полномъ пансіонѣ у одного изъ учителей. Алексѣй, уже студентъ-математикъ, перешелъ на третій курсъ и жилъ вмѣстѣ съ братомъ, а семья ихъ снова переселилась въ свои родные «Тополя» и съ нетерпѣніемъ ждала лѣта, времени пріѣзда обоихъ братьевъ.

Вотъ именно въ этотъ періодъ времени обнаружилось снова то милосердіе, которое изливалъ Господь на юную головку Бори. Мальчикъ попалъ въ непріятную исторію, защищая одного маленькаго пансіонера отъ нападокъ старшаго своего товарища по классу. Этому послѣднему, сыну одного вліятельнаго туза въ бюрократическомъ мірѣ, очень протежировалъ директоръ гимназіи, и Борю хотѣли выключить изъ гимназіи. Боясь огорчить отца, а главное — сною дорогую

ВЪ ГОРАХЪ ДАГЕСТАНА. Оригин. рис. С. В. Животовскаго;
гравир. для „Родины“ И. Юревичъ.

тетю Франю, Боря не только самъ не писалъ домой, а даже и брату запретилъ тревожить родителей. На возраженіе Алексѣя, что скрыть это все равно нельзя, Боря отвѣчалъ:

— Подожди, Франя за меня молится, меня не выключатъ, вотъ увидишь.

И точно, отецъ гимназиста, за котораго вступился Боря, страшно взволновался, узнавъ о томъ, что грозитъ маленькому рыцарю, заступившемуся за его сына. Онъ самъ поѣхалъ къ сановнику, сынъ котораго былъ зачинщикомъ всей этой исторіи, и благородный человѣкъ, аристократъ и по натурѣ, и по происхожденію, далъ ему письмо къ директору, въ которомъ признавалъ вину своего сына и просилъ «не карать за правду» Бориса Ковенчука.

«Если въ учебныхъ заведеніяхъ,—писалъ онъ,—будетъ торжествовать лицепріятіе и кривда господствовать надъ правдой, чего ждать намъ отъ той молодежи, которая выйдетъ изъ ихъ стѣнъ на арену широкой общественной дѣятельности?»

Директоръ струсилъ не на шутку и предъ лицомъ всей гимназіи заявилъ, что «ученикъ Ковенчукъ поступилъ благоразумно, вступившись за слабѣйшаго», и что онъ, директоръ, хотѣлъ только «попугать его».

А черезъ нѣсколько дней пришло письмо отъ Франи, гдѣ она писала, что очень тревожится за Борю, боится, здоровъ-ли онъ, и чувствуетъ, что его постигло что-то непріятное.

«Молюсь, мой родной мальчикъ, чтобъ Милосердный Господь отвратилъ отъ тебя то ужасное, что виситъ надъ твоей юной головкой. Что это можетъ быть, не знаю, но чувствую, что оно есть или скоро будетъ: недаромъ у меня такая тоска и тревога въ душѣ».

— Право, ея душа слилась съ твоей душой,—улыбаясь, говорилъ брату Алексѣй.

Мальчикъ задумчиво улыбался въ отвѣтъ, удивляясь, что братъ, такой умный, только теперь понялъ такую простую и старую правду: конечно, у него одна душа съ тетей Франей.

А годы подвигались—тяжелые, мрачные. Жизнь дорожала, трудъ дешевѣлъ; наплывъ провинціальной молодежи, стремящейся въ высшія учебныя заведенія, становился все больше и все труднѣе было бороться съ возрастающими требованіями господъ экзаменаторовъ. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ этихъ трудностей, росло недовольство въ сгущавшейся толпѣ неудачниковъ, остававшихся не у дѣлъ. А тутъ, какъ грозовая туча, надвинулась война съ сильнымъ желтолицымъ врагомъ,—и пошла по русской землѣ такая возбужденная сумятица, что старый вояка, Левъ Павловичъ Ковенчукъ, не выдержалъ: стоять въ сторонѣ отъ общественной жизни, довольствоваться растительнымъ существованіемъ и спокойно спать, когда кругомъ всѣ терзаются работой, нуждой и заботой,—нѣтъ, Ковенчукъ этого не умѣлъ и написалъ сыновьямъ, что не ждетъ ихъ въ «Тополя», а самъ ѣдетъ къ нимъ.

«Надоѣло сосать лапу въ берлогѣ, ожидая газетныхъ извѣстій съ Дальняго Востока. Мы читаемъ телеграмму изъ Годзяданя о томъ, что «русскія войска блещутъ строевымъ видомъ» и «производятъ внушительное впечатлѣніе военной выучкой и сплоченностью массы»; мы радуемся, рукоплещемъ, задаемъ пиры ликованій и торжества. А въ этотъ-же день и часъ Петербургъ читаетъ донесеніе изъ того-же Годзяданя, что «японцы захватили Телинъ и всю долину Ляохэ». И всякій изъ насъ въ правѣ сказать: «чему смѣетесь? надъ собой смѣетесь». Мое горячее солдатское сердце рвется быть ближе къ моему Царю; можетъ, и смилуется Онъ, призоветъ еще и меня, старика, къ общему русскому дѣлу».

Такимъ образомъ, квартира на Васильевскомъ островѣ, какъ-бы нарочно освободившаяся къ пріѣзду Ковенчука, снова приняла его семью въ свои нѣдра. И этотъ пріѣздъ непосѣдливаго воина пришелся какъ нельзя болѣе кстати: цѣлый рядъ неожиданныхъ катастрофъ, опустошивъ всѣ учебныя заведенія, собралъ воедино семью, и мы застаемъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, въ кабинетѣ Льва Павловича, въ томъ самомъ кабинетѣ, о которомъ одинъ изъ его друзей сказалъ, что это—«не кабинетъ, а фотографія внутренняго человѣка». И точно, въ этомъ любимомъ уголкѣ солдата-философа было собрано все, что онъ любилъ, для чего жилъ и хотѣлъ жить. По стѣнамъ висѣли портреты его родителей, братьевъ, сестеръ, жены, дѣтей и Франи съ мужемъ. Четыре книжныхъ шкафа, сверху донизу набитые книгами, представляли собою энциклопедію всего міра, за много вѣковъ, и потомкамъ Льва Ковенчука не пришлось бы много трудиться, составляя по книгамъ, стоящимъ въ этихъ шкафахъ въ образцовомъ хронологическомъ порядкѣ, серьезный опытъ роста и развитія человѣческой мысли, отъ Библіи до нашихъ временъ. Большой письменный столъ, высокое кресло, обитое темнымъ сафьяномъ, и такой-же диванъ, на которомъ и спалъ Левъ Павловичъ, не терпѣвшій мягкой постели. На стѣнѣ висѣла большая картина мариниста Айвазовскаго и вылитый изъ темной бронзы бюстъ государя Николая Павловича—на темной мраморной тумбѣ. Суровая обстановка увеличивалась висѣвшимъ на стѣнѣ оружіемъ и великолѣпной географической картой, занимавшей почти цѣлую стѣну.

Стоялъ чудесный вечеръ конца мая. За исключеніемъ Франиски, оканчивавшей въ своей комнатѣ переводъ романа Елизы Ожешковой, вся семья собралась въ кабинетѣ Льва Павловича. Самъ Ковенчукъ и жена его, Варвара Петровна, сидѣли въ уголкахъ дивана и вели оживленную бесѣду съ сыномъ Алексѣемъ, сидѣвшимъ у открытаго окна въ садъ. Предметомъ бесѣды были кровавыя и мрачныя событія послѣдняго времени. Смотря на лица разговаривающихъ со стороны, можно было догадаться, о чемъ шла рѣчь, даже не слыша словъ,—такое мрачное, ожесточенное горе лежало на морщинистомъ челѣ стараго севастопольца, горѣло въ негодующемъ взорѣ студента, вынужденнаго къ невольному бездѣлью забастовкой товарищей. Онъ въ принципѣ не сочувствовалъ всѣмъ этимъ забастовкамъ теперь, когда и такъ уже жить становилось тяжелѣе, когда больше сгущался мракъ, выростали новыя могилы и земля обливалась слезами и кровью подневольныхъ жертвъ. Алексѣю хотѣлось скорѣе окончить курсъ и уйти туда, въ этотъ «стонъ погибающихъ». Онъ спорилъ съ товарищами, доказывая имъ, что теперь не время обезсиливать и такъ уже изнемогающую родину. Его не слушали, говоря, что именно теперь-то и время добиваться тѣхъ человѣческихъ правъ, въ борьбѣ за которыя больше полвѣка гибнетъ столько молодыхъ самоотверженныхъ жизней.

— А теперь онѣ не будутъ гибнуть?—спрашивалъ онъ.— Теперь, когда люди нужны, какъ никогда, стыдно отвлекать ихъ отъ настоящаго дѣла, отъ защиты своей погибающей родины. Гласъ вопіющій въ пустынѣ...

— Вотъ и надо, чтобы онъ не былъ «вопіющимъ въ пустынѣ»,—говорили ему.—Теперь къ этому «гласу» поневолѣ будутъ прислушиваться и поймутъ, наконецъ, что, если-бъ раньше не зажимали ртовъ, вовсе не было-бы, навѣрно, теперь ни бунтовъ, ни забастовокъ, ни насильственныхъ мобилизацій. Народъ самъ-бы, какъ одинъ человѣкъ, кинулся навстрѣчу врагу и одолѣлъ-бы его уже одной своей численностью. Не было-бы тогда ни этихъ тяжкихъ налоговъ, ни этихъ бунтовъ. Да, можетъ быть, и самой войны не было-бы.

— Ну, ужъ это—абсурдъ,—обрывалъ Алексѣй.—Не мы желали войны, не мы ее вызвали...

— Не «мы», т. е., не русскій народъ, это вѣрно; но вѣрно и то, что вызвали ее наши поступки, нашъ беззастѣнчивый произволъ и слишкомъ длинныя, цѣпкія руки. Вмѣсто того, чтобъ сулить намъ идеалъ долгаго мира, надо было прислушиваться къ голосу общественной совѣсти и разрѣшить свободно высказываться тѣмъ, кто хотѣлъ и могъ говорить. Мы знали-бы, по крайней мѣрѣ, куда, на что идемъ, и сумѣли-бы встрѣтить врага сплоченнымъ, дружнымъ отпоромъ. Мы мимальничали, расплывались въ мечтахъ о долгомъ мирѣ, и съ Востока, да, можетъ, и съ Запада, намѣчали уже что, какъ и когда стянуть у насъ. Э-эхъ! Стыдно и горько!

Но, какъ ни оживленно доказывали Алексѣю товарищи необходимость забастовокъ, онъ стоялъ на своемъ и утверждалъ, что онѣ «несвоевременны». Онъ былъ упрямъ, какъ пустой хохолъ, и трудно было поколебать то, что разъ засѣло въ его мозгу. Всей душой своей, гордой и настойчивой, онъ любилъ свою родину и болѣлъ за каждый ея невѣрный шагъ, за каждый промахъ, совершенный или изъ-за корыстнаго расчета ея враговъ, или по ея собственному полудѣтскому неразумію.

«Именно полудѣтскому,—утѣшалъ себя онъ, и въ свѣтѣ тревожныхъ дней, и во мракѣ безсонныхъ ночей всегда полный одною думой о ней, одною тревогой за нее, за Россію.— Большой и сильный ребенокъ, она вырвется сама изъ хищныхъ рукъ, спеленавшихъ ее, и развернется такъ, что никто ей не будетъ страшенъ. Все выносила она, все молча терпѣла, но близокъ конецъ этому терпѣнію, устала она, намучилась. Вѣками наростало ея недовольство, назрѣвали запросы и задачи, которые, какъ хлѣбные всходы, напрасно силились заглушить плевелами. Правъ былъ Рылѣевъ, предъ лицомъ толпы, собравшейся смотрѣть на его казнь, сказавшій государю Николаю Павловичу: «Что посѣяно—то взойдетъ». Зелени видны... яровые и озимовые. Ошибся государь, отвѣтивъ: «Русскій морозъ все убьетъ». Не убилъ... Въ глубинахъ засѣли зерна... не добрался».

III.

Этотъ историческій фактъ вспомнился Алексѣю въ чудесный майскій вечеръ, когда вся семья Ковенчука, перебравшись въ Петербургъ, собралась въ кабинетѣ Льва Павловича. Старики сидѣли на диванѣ, прижавшись къ мягкой спинкѣ. Алексѣй ходилъ по комнатѣ, передавая имъ событія столичной общественной жизни послѣдняго времени, а пятнадцатилѣтній Боря, закрывшись большимъ листомъ газеты, утонулъ въ огромномъ сафьяновомъ креслѣ отца. О присутствіи мальчика забыли; говорилось и обсуждалось все, что приходило въ голову. Алексѣй передавалъ слухи о новой мобилизаціи, о томъ, что петербургскіе рабочіе раздѣлились на партіи — желающихъ мира и стоящихъ за продолженіе войны.

— Не хотѣла-бы я умереть теперь, не зная, чѣмъ окон-

чится эта кровавая бойня, — заговорила Варвара Петровна.— Будь я моложе, непремѣнно-бы записалась сестрой милосердія въ дѣйствующую армію.

— Мама! раздался взволнованный голосъ Бори.

Газета полетѣла на полъ и самъ Боря, съ омоченнымъ слезами лицомъ, кинулся къ матери и разрыдался, прижавшись къ ея груди.

— Дѣтка моя! Что съ тобою? я, вѣдь, говорю только, что поѣхала-бы, если-бъ моложе была; успокойся, мальчикъ мой, никуда я отъ васъ не уѣду...

— Да нѣтъ-же, нѣтъ, мама!—нетерпѣливо возразилъ Боря, переставая плакать.—Я вовсе не о томъ, вовсе не о томъ! совсѣмъ даже напротивъ... Я хочу просить тебя и папу... Отпустите меня «туда»... Съ Франей отпустите... Я давно ужъ... давно хотѣлъ проситься... да все не смѣлъ. А вотъ, какъ сказала ты, что тоже хотѣла-бы тамъ быть... я и рѣшился...

— Ахъ, ты, молоденькій герой! — добродушно усмѣхнулся Алексѣй, глядя на разгорѣвшееся личико и сверкающіе глаза брата.—Да кто-же тебя возьметъ туда, малыша такого?

— Кто возьметъ? Линевичъ возьметъ. Мнѣ пятнадцать лѣтъ, а Колѣ Зуеву было всего тринадцать. Однако, генералъ Стессель повелъ его на вылазку. Зуевъ пробрался черезъ японскія войска... даже раненъ былъ... совсѣмъ какъ большой солдатъ. А я... я... Папа! Если я струшу и убѣгу отъ опасности, самъ разстрѣляй меня! Я давно уже рвусь туда... Я даже бѣжать хотѣлъ, да вспомнилъ, что тетя Фравя умретъ отъ тоски...

— Тетя Франя? А почему-же не мама?—раздраженно спросила Варвара Петровна, отклоняясь отъ сына.

— Потому, мама, что у тебя есть и папа, и Алеша, и Аня; а у тети Фравы никого нѣтъ. Меня она выростила...

— Да, да, мальчикъ, ты правъ, я глупость сказала. Тетя Фравя совсѣмъ одинока...

— Вовсе не одинока, пока я живъ, мама, — гордо прервалъ мать Боря.—Я всегда о ней буду заботиться...

— А если женишься?

Мальчикъ вспыхнулъ.

— Никогда не женюсь, мама! На тебѣ или на Франѣ я еще, пожалуй, женился-бы, а этихъ дѣвченокъ - хныкалокъ я терпѣть не могу и никогда на нихъ не женюсь. Ну, не надо о глупостяхъ говорить. Знаешь, папа, меня всего трясло, когда я читалъ о Колѣ Зуевѣ: такъ я и любилъ его, и завидовалъ ему! Каждая побѣда японцевъ меня прямо въ сердце ранила; Я во снѣ видѣлъ, какъ эти бѣдные солдатики...

Онъ снова зарыдалъ и дрожалъ, какъ въ лихорадочномъ пароксизмѣ.

— Ну, какой-же ты солдатъ?—сердито стыдилъ его отецъ.— Рюмишь хуже бабы. И зачѣмъ ты ему даешь газеты читать, Варя? Ему надо тѣло нагуливать, по деревьямъ лазать, гимнастику дѣлать. Съ классиками надо воевать тебѣ, горе-богатырь, силами для этой войны запасаться. Эхъ, бабій питомецъ! Ужъ, навѣрное, Николаю Зуеву не за слезы Георгія дали. Туда-же, вылазки дѣлать! Надо написать прошеніе Линевичу, что ты японцевъ на сухомъ пути утопишь: океанъ-море слезъ напустишь.

Презрительный тонъ отца отрезвилъ Бориса.

— Папа, голубчикъ! Подумай хорошенько о моей просьбѣ и рѣши, можешь-ли ты исполнить ее. Даю тебѣ честное слово, что я не знаю покоя съ тѣхъ поръ, какъ началась эта ужасная война. А тутъ еще Андреевъ со своимъ «Краснымъ смѣхомъ»...

— Какъ? Ты читалъ Андреева?

— Случайно, папа. Зашелъ къ Костѣ Прибылеву, а у него на столѣ эта книжка лежитъ. Взялъ просмотрѣть и до того увлекся, что остался у него ночевать. Помнишь, еще мама такъ сердилась, что я не пришелъ домой. Я не все хорошо повялъ въ этомъ «Красномъ смѣхѣ»; но тамъ, гдѣ онъ описываетъ «волчьи ямы» и «проволочныя загражденія»... Ахъ, ахъ!..

— Да, брось-же ты, наконецъ, эти «ахи», дружокъ!—разсердился Левъ Павловичъ.—Дрожишь весь, какъ нервозная институтка. Баба, а не солдатъ ты!—съ брезгливымъ негодованіемъ закончилъ старикъ.

(Окончаніе будетъ.)

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Опасная дружба. (Къ рис. на стр. 1473.) Молодая женщина отлично сознаетъ, что это—опасная дружба, что грозный царь далекихъ пустынь, съ которымъ она ведетъ дружбу, при малѣйшей неосторожности съ ея стороны, при малѣйшей оплошности можетъ въ одинъ мигъ забыть объ этой дружбѣ, а затѣмъ... О томъ, что можетъ быть затѣмъ, страшно подумать, но до самой катастрофы она не можетъ разстаться со своимъ страшнымъ другомъ. Современная жизнь создаетъ много странностей. Развѣ не странно изъ дружбы дѣлать промыселъ? А какъ видите, въ современной жизни это возможно. И оттого-то эта молодая женщина не можетъ порвать опасную дружбу со львомъ: эта дружба даетъ ей средства къ существованію; показывая людямъ, что они могли-бы жить въ дружбѣ даже съ дикими, страшными хищниками, она собираетъ съ людей за эту демонстрацію дружбы деньги. А люди, люди, не могущіе жить дружно даже между собою, платятъ девьги за то, чтобы посмотрѣть, чего въ отношеніи дружбы при желаніи можно достигнуть. Ахъ, если-бы эта молодая женщина могла послужить имъ примѣромъ!

На крутомъ подъемѣ. (Къ рис. на стр. 1479.) Обычной рысцой трусила тройка. Кучеръ на облучкѣ, казалось, заснулъ; дремалъ, на самомъ уже дѣлѣ, и сѣдокъ въ тарантасѣ, убаюканный равномѣрной легкой качкой, какъ вдругъ заснувшій, какъ казалось, кучеръ ожилъ, натянулъ крѣпко возжи, поочереди огрѣлъ кнутомъ лошадей, и онѣ рванули и понесли. Разомъ очнулся и задремавшій въ покойномъ тарантасѣ сѣдокъ и инстинктивно схватился за передокъ экипажа, боясь вылетѣть изъ него. Какъ-бы въ испугѣ свернула съ дороги спускавшаяся съ горы крестьянская лошадка съ двумя крестьянками въ телѣжкѣ. Мигомъ кони преодолѣли крутой подъемъ и вынесли экипажъ на пригорокъ.

Послѣ войны. Послѣднее «прости». (Къ рис. на стр. 1481.) Все кончено. Кончились тяжелыя невзгоды и лишенія, кончились всѣ тяжести несчастной войны. Съ передовыхъ позицій потянулись назадъ обозы, отряды, полки,—назадъ, домой, въ деревню, въ милую, родную деревню, къ дорогимъ, милымъ семьямъ, дѣтямъ!.. И грезы, свѣтлыя грезы о счастьѣ охватываютъ уходящихъ. Но вотъ впереди близъ дороги что-то бѣлѣетъ. Ближе и ближе, совсѣмъ близко... И разомъ отлетѣли свѣтлыя грезы, невольно склонились колѣна, повисли на грудь за секунду предъ тѣмъ мечтавшія о счастьѣ головы. Въ сторонѣ у дороги стоятъ два креста надъ курганами, которые заставили уходившихъ вспомнить о тѣхъ, кого уже никогда не дождутся оставленныя далеко въ родныхъ деревняхъ семьи.

Послѣднія розы. (Къ рис. на стр. 1487.) Ова молода впереди у нея еще цѣлая жизнь, а, между тѣмъ, это—послѣднія розы, послѣдвія розы въ ея дѣвической жизни. Черезъ нѣсколько дней всего она должна сдѣлаться женщиной. Она любитъ своего избранника, съ радостью ввѣряетъ ему свою будущую жизнь, а все-таки ея хорошенькую головку туманитъ неотвязчивая дума: «а какова-то будетъ эта новая жизнь». И вотъ почему, собирая эти розы, послѣднія розы, она подолгу останавливается надъ каждою изъ нихъ, какъ-бы вспоминая прошедшую дѣвическую счастливую пору.

При взглядѣ на этотъ рисунокъ невольно складываются стихи:

Утро. Лучи безмятежно горятъ.
Утро проходитъ и мчится закатъ.
Утромъ веселыя грезы кругомъ,
Подъ вечеръ слышенъ томительный громъ.
Мракъ вадвигается издалека
Грезы исчезли, могила близка...
Счастливъ, кто радостнымъ утромъ живетъ,
Чашу любви, наслаждаяся, пьетъ.
Жизнь унесется, померкнетъ лишь свѣтъ—
Жгучаго счастья и радости нѣтъ!

Глухари. (Къ рис. на стр. 1489.) Только любитель-охотникъ, да и то далеко не всякій, можетъ наблюдать своеобразную жизнь животныхъ и пернатыхъ, населяющихъ лѣсъ и поле. Для большинства эта жизнь—закрытая книга, а, между тѣмъ, сколько красоты въ ней и прелести. Художникъ Рекнагель, изобразивній одинъ изъ моментовъ жизни лѣса на своей картинѣ «глухари», поэтому заслуживаетъ особеннаго вниманія къ себѣ и благодарности.

Въ горахъ Дагестана. (Къ рис. на стр. 1479.) Часто совсѣмъ скрывая за облаками свои вѣчно покрытыя снѣгомъ вершины, стоятъ громады горъ Дагестана, окутанныя таинственностью и неизъяснимою прелестью. Глядя на эти вершины, думается: «ступала-ли здѣсь когда нибудь нога человѣка?» На этотъ вопросъ наилучшій отвѣтъ даетъ рисунокъ художника С. Животовскаго. Почти на самой вершинѣ горы, гдѣ нѣтъ уже никакой растительности и гдѣ облака цѣлуются съ землею, расположились на отдыхъ постоянные обитатели горъ — дагестанцы. На югѣ нѣтъ зимы, но они забрались на такую вышь, гдѣ зима вѣчно, вотъ почему пришлось развести костеръ и натянуть на плечи бурки.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

КОМПАНІИ ЗИНГЕРЪ

Необходимы для домашняго употребленія. Образцовы въ конструкціи и исполненіи. Продаются только въ магазинахъ Компаніи Зингеръ.

Отпускъ машинъ съ платежомъ **отъ 1 рубля въ недѣлю.**

Безплатное обученіе шитью и модным художественнымъ вышивкамъ.

Остерегайтесь поддѣлокъ! Машины съ высонимъ рунавомъ во всѣхъ нашихъ магазинахъ отъ **25 р.** 1000 соб. магазиновъ!

Магазинная вывѣска. Рисун. утв. Отд. пром. и торг. Мин. Ф.

Правленіе: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 28, собств. домъ. 858

Фабричное клеймо, которымъ снабжены машины

Цѣна отдѣльныхъ номеровъ журнала „РОДИНА“, кромѣ 1-го: безъ приложеній—15 коп. безъ перес. и 25 коп. съ пересылкой.

ВОСТОЧНЫЯ ПИЛЮЛИ

Pilules Orientales

Развиваютъ и укрѣпляютъ формы бюста у женщинъ и придаютъ имъ граціозную полноту, безъ вреда для здоровья. Флаконъ съ объяснительной брошюрой—3 руб., внѣ Петербурга—3 р. 50 к. съ пересыл. J. Katié, pharmacien, 5, Passage Verdeau, Парижъ.

Депо въ С.-Петербургѣ у Штольц и Шмидтъ. 504

Fleichmer's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА. Цѣна: коробка 1 рубль. Пудра для дня и вечера, несамѣтная на кожѣ, косметическое средство для улучшенія красоты кожи. Театральная гримировка. Жирныя румяна и бѣлила. Карандаши для бровей.

Имѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Л. ЛЕЙХНЕРЪ въ Берлинѣ поставщикъ бельгійскихъ импер. театровъ. Главный складъ для всей Россіи: СПБ. ТЕХНО-Химическ. Лабораторія, С.-Петербургъ, Лиговская 123. 774

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1900 г.

ПАВЕЛЪ БУРЕ.

поставщикъ двора Его Величества, С.-Петербургъ, Невск. пр., д. № 28. Москва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

● БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики ●

съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безпл.

Рекомендуется врачами при обычномъ запорѣ, плохомъ пищеваренія, мигрени, головокруженіи, геморроѣ, болѣзняхъ печени и запорахъ въ беременности и при нормленіи грудью и т. д.

Доза: отъ 1 до 2 пилюль въ день.

Находится во всѣхъ главныхъ аптекахъ.

Требовать названіе:

CASCARINE LEPRINCE,

отпечатанное на каждой пилюлѣ.

Cascarine Leprince, 62, Rue de la Tour, Парижъ. 194

ВАЖНО ДЛЯ ВСѢХЪ!

Для распространенія нѣкоторыхъ новыхъ сортовъ своего производства высылаемъ въ розницу по спеціально-пониженнымъ цѣнамъ:

„Англійское трико“ на солидные мужскіе костюмы. Очень прочная и модная теплая матерія чернаго цвѣта, затканная бѣлой или цвѣтной искрой или клѣткой въ англійскомъ вкусѣ. За отрѣзъ въ 4¼ арш. на цѣлый костюмъ—5 руб.

„Шевіотъ-деми“ на модныя дамскія платья, очень красивой выдѣлки и хорошей доброты, для осенняго и зимняго сезона, затканный иглообразными свѣтл. крапинами, „нупе“ или полоской. Цвѣта: бордо, коричнев., маренго (темно-сѣрый), оливков., синій, черный. За отрѣзъ въ 8 арш. на цѣлое платье—3 р. 60 коп.

При заказѣ 3-хъ и болѣе отрѣзовъ „англійскаго трико“ фабрикой прибавляется въ видѣ преміи

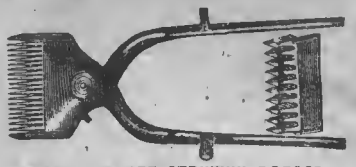
СОВЕРШЕННО БЕЗПЛАТНО

ребующееся къ каждому отрѣзу количество подкладки, а при заказѣ 3-хъ и болѣе отрѣзовъ „шевіота-деми“ добавляется, тоже даромъ, дамскій шелковый шарфъ, гладкій, разныхъ цвѣтовъ, свѣтлыхъ и темныхъ, или-же полосатый, въ восточномъ вкусѣ, употребляемый для визитовъ и въ театръ.

При одновременномъ-же требованіи 3-хъ и болѣе смѣшанныхъ отрѣзовъ мужскихъ и дамскихъ высылается безплатно любая изъ вышеозначенныхъ 2-хъ премій, по выбору заказчика.

Упаковка за счетъ фабрики. За пересылку-же по почтѣ уплачиваетъ заказчикъ, если онъ выписываетъ съ наложеннымъ платежомъ. Но, когда фабрика получаетъ впередъ всю стоимость заказа, тогда заказчикъ за пересылку ничего не платитъ.

Требованія просимъ адресовать: гор. Лодзь, оптово-розничный складъ фабрики шерстяныхъ и камвольныхъ издѣлій „Монополь“. 518



МАШИНИИ ДЛЯ СТРИЖКИ ВОЛОСЪ

съ тремя номерами—2 р., 3 р., 4 р. и 5 р. Для бороды 00 или 000—2 р., 3 р. и 4 р. Безопасныя бритвы отъ 1 р. 50 к. до 10 р. Обыкнов. бритвы отъ 50 к. до 5 р. Масса новостей. Иллюстр. каталоги безплатно. Складъ Т-во Плоховъ и Готтарди, С.-Петербургъ, Садовая, 9. 470

ГИТАРЫ

Съ механическими колками въ 5 р., 6 р. 50 к., 9 р., 12 р., 15 р. и дороже, съ простыми колками въ 2 р. 50 к и 4 руб.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

БАЛАЛАЙКИ

Съ простыми колками въ 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 75 к., 3 р. 50 к. съ мѣханич. колками 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 к.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками углы мѣха обиты метал.

2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА

11 р. 13 р. 15 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.

СТАЛЬНЫЕ голоса

16 р. 20 р. 24 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас. и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

ЛИВЕНСКІЯ

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА мѣдныя планки

5 р. 50 к., 6 р. 25 к., 7 р. 8 руб., 9 руб. 50 к.

СТАЛЬНЫЕ голоса мѣдныя планки

10 р. 50 к., 11 р. 75 к. 12 р. 50 к., 14, 16 р.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 КОП.

АЗІАТСКІЯ ИТАЛЬЯНСКІЙ-РОЯЛЬНЫЙ СТРОЙ МѢДНЫЯ ПЛАНКИ, МѢДНЫЕ ГОЛОСА. УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ.

3-хъ ПЛАНОЧНЫЯ	
12 клап.	14 клап.
9 руб.	10 руб.
4-хъ ПЛАНОЧНЫЯ	
14 клап.	16 клап. 18 клап.
12 руб.	14 руб. 16 руб.
5-ти ПЛАНОЧНЫЯ	
14 клап.	16 клап. 18 клап.
15 руб.	17 р. 50 к. 20 руб.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ,

Москва, Срѣтенка

СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.

Прейсъ-курантъ безплатно.

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами
ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ
вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ
быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.
◆ Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. ◆
Главное депо для Россіи: В. Охтенская Аптека. Отд. „Гематогенъ“ СПБ.
ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

ГУНЯДИ ЯНОСЪ
НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА

НАИЛУЧШЕЕ СЛАБИТЕЛЬНОЕ
Просятъ обратить вниманіе на фирму САНСЛЕНЕРЪ на каждомъ этикетѣ.
НѢЖНОЕ, ПРІЯТНОЕ, ВѢРНОЕ ДѢЙСТВІЕ.
ОТЛИЧНОЕ СРЕДСТВО
ПРИ ПРИВЫЧНОМЪ И СЛУЧАЙНОМЪ ЗАПОРѢ,
ПРИЛИВѢ КРОВИ, — ОЖИРѢНІИ
РАЗСТРОЙСТВАХЪ ПИЩЕВАРЕНІЯ,
БОЛѢЗНЯХЪ ПЕЧЕНИ и Т. П.
Тридцатилѣтняя практика доказала превосходство воды Гуняди Янось надъ всѣми другими средствами этого рода.
Въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ всего міра.

Нормальный пріемъ одинъ стаканъ.

НОВѢЙШІЯ и **ИЗЯЩНѢЙШІЯ** 728
коллекціи для елокъ въ
2 р. 95 к., 5 р., 10 р. и дороже.
Особенное вниманіе обращая на чудно составленныя коллекціи въ 2 р. 95 к., 5 р. и 10 р., которыя всѣхъ поражаютъ своею изящностью, полностью и дешевизною, можно только удивиться, какъ можно дать такъ много за такія небольшія деньги. Перес. налож. платеж.
Телеграм. исполн. немедленно. **Базаръ Марокъ**, С.-Петерб., Невск., 20, кв. 9

МЫ НЕ ДѢЛАЕМЪ ДЕШЕВО, НО ХУДОЖЕСТВЕННО,
увеличенія съ фотогр. карточекъ, за 4 р., въ красивой рамѣ, разм. 45 на 55 сант. въ англ. паспарту со стекломъ, съ упаковкой. Гг. любители просимъ присылать негативы. **Новость.** (Удобно для подарка.) Худож. увеличенный портретъ въ плюшевой рамѣ разм. 35 на 55 сант. (вѣшать угломъ вверхъ. Изящная вещь. Цѣна 4 р. А. А. Савельевъ. Магазинъ: СПБ., Невскій, 113. Задатокъ 1/3 стоимости (можно марками). 565

ПЕРУИН останавливая
ВЫПАДЕНІЕ ВОЛОСЪ и уничтожая перхоть, является особенно драгоцѣннымъ для женщинъ, которыхъ
РОСКОШНЫЕ ВОЛОСЫ
УКРАШАЮТЪ, а отсутствіе волосъ и перхоть обезображиваютъ.
Продается вездѣ по 1 р. 75 к. фл.
Базаръ Маронъ, Спб. Невскій 20, кв. 9.

Несмотря на дождь и снѣгъ, ледъ и холодъ,
дѣти принуждены ходить въ школу, взрослые по своимъ занятіямъ иногда цѣлый день проводятъ на улицѣ, а потому неудивительно, что вездѣ жалуются на кашель, охриплость, катарръ бронхіевъ и т. п. Всѣ эти страдающіе должны знать, что **Настоящія Файсія Содействія Минеральныя Лепешки**, которыя можно удобно носить въ карманѣ, служатъ какъ для молодыхъ, такъ и для старыхъ превосходнымъ средствомъ противъ простуды. Лепешки эти можно получать по 70 к. за коробку во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ складахъ. Главное депо: Поставщики Двора Штоль и Шмидтъ въ С.-Петербургѣ. Правленіе для Россіи: **Ф. Шарффъ, Варшава, Королевская, № 18.** 502

При растройствѣ желудка принимаютъ **слабительныя пилюли Ара** 48 шт. 95 коп.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
ПРИМА ИНДІАНЪ 769
С.-Петербургской
Техно-химической лабораторіи
быстро, прочно и натурально окрашиваетъ волосы въ черный, темно-русый и русый цвѣта.
Главный складъ:
С.-Петербургъ, Лиговская, № 123.
Продается вездѣ.

ТОЛЬКО ЗА 22 КОП. МАРК.
можно получ. общед. и полезн. книгу: „**УХОДЪ ЗА КОМНАТНЫМИ РАСТЕНІЯМИ**“. Москва, Покровка, д. Шишелова, кв. 7. 562

Требуйте
Цвѣточный
О-де-колонъ ВЕРА-ВІОЛЕТТА
Товарищества 491
«ГИГІЕНА»
въ С.-Петербургѣ.
Главн. складъ СПБ. ТЕХНО-Химической Лабораторіи. С.-Петербургъ, Лиговская, 123.

Открыта на **1906** г. подписка на слѣдующія изданія А. А. КАСПАРИ:

1) **Иллюстрированный литературный журналъ и газета „РОДИНА“**

и

2) **НОВЫЙ журналъ „НОВЬ“ съ книгами „ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА“.**

Подробное объявленіе о журналѣ и газетѣ «РОДИНА» см. въ № 43 газеты.

Подробное объявленіе о журналѣ «НОВЬ» и «ВСЕОБЩЕЙ БИБЛІОТЕКѢ» см. въ № 47 газеты «Родина».

При этомъ номерѣ для гг. провинціальныхъ подписчиковъ прилагается

БЛАНКЪ ПОЧТОВАГО ПЕРЕВОДА,

при которомъ можно пересылать деньги для возобновленія подписки на 1906 годъ. Редакція покорнѣйше проситъ разборчиво **писать адреса** и, вмѣстѣ съ тѣмъ, **ПОСПѢШИТЬ ВОЗОБНОВЛЕНІЕМЪ ПОДПИСКИ**, чтобы не произошло замедленія въ полученіи первыхъ номеровъ 1906 года, такъ какъ заготовка и провѣрка огромнаго количества адресовъ, поступающихъ въ концѣ года при подпискѣ, требуетъ отъ конторы массу труда и времени.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ. 5.2

С.-Петербургъ, Морская ул., д. № 34. — Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Захарьина. — Рига, Купеческая, 9.

Лучшаго качества по дешевымъ цѣнамъ.

СКРИПКИ

для учениковъ въ 6, 8, 10, 12, 15 и 20 р.
для артистовъ въ 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 и дороже до 1.000 руб.
Народныя скрипки въ 2, 3 и 4 руб.

СМЫЧКИ

для учениковъ—1, 1½ и 2 руб.
для артистовъ—3, 5, 10, 20, 30, 60 р.
Народные въ 50 коп.

Дѣтскія скрипки 2/4, ½ и ¼ величины въ 2, 4, 6, 8, 10, 15 и 25 р. Смычки въ 50 к., 1, 2, 3, 5 р.

№ 91. **Скрипка** со смычкомъ и принадлежн. безъ футляра . . . . 10 р.
№ 95. **Скрипка** со смычкомъ, футляромъ и разными принадлежностями . . . . . 20 р.
№ 97. **Скрипка** со смычкомъ, футляромъ и разными принадлежностями . . . . . 30 р.
№ 99. То-же лучшаго качества. . . . 50 р.
и въ другія цѣны.

ФЛЕЙТЫ

для учениковъ въ 8, 12 и 18 руб.
для любителей и оркестровъ въ 25, 35, 40 руб.
для артистовъ (собств. фабрики) въ 50, 60, 75 р., „Модель Циммермана“, находящаяся въ употребленіи у выдающихся артистовъ—въ Россіи и за границей—85, 120 и 250 руб.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ

для учениковъ въ 12 и 15 руб.
для игры въ оркестрѣ въ 18, 22, 25 и 30 руб.
для солистовъ (соботв. фабр.) въ 40, 50, 60, 75 руб. и дороже., и другіе оркестровые инструменты въ большомъ выборѣ.

ГИТАРЫ

дешевые сорта въ 3 и 4 руб.; съ механизмомъ для струнъ въ 5, 6, 7, 10, 15, 20 р., особенно хорошаго тона въ 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 р.

МАНДОЛИНЫ

итальянской работы, очень хорошаго тона, въ 12, 15, 22, 30, 50, 75, 100, 125 руб. болѣе дешевые сорта; нѣмецкой работы въ 4 и 6 р., итальянской—въ 8, 12 и 15 руб.

БАЛАЛАЙКИ

съ провѣренными ладами, очень хорошаго тона и работы,—5, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 35 р. и дор., дешевые сорта—1½ 2, 3 и 4 р.

ДОМРЫ въ 8, 10, 12, 15, 18, 21, 22, 30, 40 руб. и дороже.

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

съ подкладными листами, по которымъ каждый можетъ легко играть, въ 4, 8 р. и дор. Другіе сорта въ 6, 7½, 14, 25 и 35 р.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно. По полученіи задатка, приблизит. ⅓ стоимости заказа, высылаю требуемое съ наложн. платежомъ на остальную сумму.

САРАТОВСКАЯ САРПИНКА

ИЗЯЩНАЯ ЛЕГКАЯ ТКАНЬ

ДЛЯ ПЛАТЬЕВЪ И БѢЛЬЯ

Натуральные образцы въ альбомѣ высылаются

съ 1-го декабря с. г. за 49 к. почт. марк.

ВЕСНА 1906 г. ЛѢТО 496

Пересылка розничныхъ заказовъ во всѣ мѣста Россіи и Сибири за счетъ фирмы.

Требованія на альбомы просимъ высылать заблаговременно.

АДРЕСЪ

Саратовъ, Торговый Домъ „А. БЕНДЕРЪ и С-ВЬЯ“.

УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛОКЪ. **УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛОКЪ.**

Моя коллекціи елочныхъ украшеній въ настоящее время уже составлены и особенно выдаются своимъ изяществомъ. Не перечисляя предметовъ, помѣщенныхъ въ коллекціяхъ, такъ какъ добросовѣстное мое отношеніе къ почтеннымъ гг. покупателямъ достаточно извѣстно, имѣю честь сообщить, что цѣны назначены, какъ и въ предыдущихъ годахъ: 544

2 р. 95 к., 5 р., 10 р. до 100 р.

Вслѣдствіе просьбы моихъ заказчиковъ я изготовилъ въ этомъ году еще коллекцію

въ 2 р. 95 к. съ 205 вещами

и тутъ вложено рѣшительно все для украшенія небольшой елки. Эта коллекція въ **2 р. 95 к.** рѣшительно внѣ всякой конкурренціи по полнотѣ, изяществу и дешевизнѣ. Высыл. нал. платежомъ **Базаръ Марокъ**, С.-Петербургъ, Невскій 20, кв. 9.

GRANDPRIX Высшая награда на Международной Гигіенической Выставкѣ въ Парижѣ 1905 года 564

Пров. КИНУНЕНА. **ЭЛЕОПАТЪ.**

СОДЕРЖАНІЕ № 47-го иллюстрированнаго журнала **„РОДИНА“**: Ершъ и Пыжъ. Повѣсть кп. М. Н. Волконскаго. (Прод.) — **Крушеніе.** Повѣсть Вал. Я. Свѣтлова. (Оконч.) — **Въ восьмой ротѣ.** Разсказъ Ив. Ефимова. — **Боря Ковенчуинъ.** Очеркъ Е. О. Дубровиной.—**Описаніе рисунковъ.**—**РИСУНКИ:** Опасная дружба. По фот. Гильденбрандтъ.—На крутомъ подъемѣ. Съ акварели Н. Н. Каразина.—Послѣднее „прости!“. Ориг. рис. С. В. Кіевскаго. — Послѣднія розы. Съ картины В. Чахорскаго. — Глухари. Съ картины О. Рекнагель.—Въ горахъ Дагестана. Ориг. рис. С. В. Животовскаго.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Дамскіе выборы. Разсказъ Амура въ отставкѣ. — Въ астрономической обсерваторіи. (1 рис.) — Въ доброе старое время. (1 рис.)—Сыгралъ. Разсказъ И. Юрко.—Достойный сотрудникъ. (1 рис.)—Вѣрная защита. (1 рис.) — На балу. (1 рис.) — Магическая фигура № 18.—Створчатая задача № 38.—Загадка № 27.—Магическій квадратъ № 19.—Створчатая задача № 39.—Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журналу № 45.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Кн. А. Д. Оболенскій. (Съ портр.) — В. А. Сухомлиновъ. (Съ портр.)—Н. А. Бѣлелюбскій. (Съ портр.)—Принцъ Карлъ Датскій, новый норвежскій король, его супруга и сынъ. (Съ портр.) — Зданіе Небольсинскаго института въ Христіаніи. (Съ 1 рис.)—Путешествіе Лубе въ Испанію. (Съ 2 рис.)—Къ сближенію французовъ съ англичанами. (Съ 1 рис.)—Мясной голодъ въ Германіи. (Съ 1 рис.) — Осмотръ подозрительнаго по холерѣ судна. (Съ 1 рис.)—Новый желѣзнодорожный мостъ черезъ рѣку Изонцо. (Съ 1 рис.)—Австрійско-венгерскій флотъ. (Съ 1 рис.) — Принцъ и принцесса Узлькіе въ Генуѣ. (Съ 1 рис.) — Сахалинцы въ Іокогамѣ. (Съ 1 рис.) — Пушечный король въ циркѣ Бушъ, въ Берливѣ. (Съ 1 рис.)

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ 36 столбцовъ журнала, 12 столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, 12 столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и 24 столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) „Другъ Дѣтей“, № 11. II) „Собраніе романовъ „Родины“ 1905 г., № 23. Собраніе сочиненій Осипа Шубина, нн. 12-я, содержащая въ себѣ:

1) **Мертвая весна.** Романъ. (Окончаніе. Стр. 177—208.) 2) **Долората.** Повѣсть.
3) **Бальный залъ графа Линкебека.** Легенда.
4) **Слезы матери.** Легенда. 5) **Весенняя мечта.** Разсказъ.

Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., № 114.